

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Дело чести советского писателя

Наша родина — первая в мире страна победившего социализма — живет в капиталистическом окружении, она живет «в системе государств». Внешние враги социализма, например, фашисты, могут в любой день попытаться напасть на СССР, стремясь отторгнуть наши земли и реставрировать капиталистический строй.

Товарищ Сталин в своем ответе тов. Ивану пишет:

«Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичь нас врасплох...»

Товарищи писатели — прозаики, поэты, драматурги и критики! Вот ясная цель, вот великая задача, в разрешении которой вы можете сыграть значительную и почетную роль! Запечатать в сердцах миллионов благодарных пламя патриотизма, воспитывать бойцов за социалистическое отечество — это ли не первейшая обязанность советской литературы?

Земной шар озарен пламенем военных пожаров. В Китае — бой, в Испании — бой, в Абиссинии тлеет уголья войны. Фашизм уже начал войну. Опасность военного нападения на Советский Союз обостряется. Наша страна готова к этому. Красная Армия могущественна, как никогда, она готова в любой час ответить сокрушительным ударом на удар врага. В грядущей войне победит тот, чья техника будет выше, чья техника сильнее, тот, кто будет крепче духом, сознанием, волей. Сила армии зависит от политического состояния страны. В единстве народа и коммунизма, в правильной политике — величайшая, непобедимая сила нашей страны и Красной Армии.

Волю к победе над врагами социализма должна воспитывать в массах советская литература. Искусству распознавать и победить врага должна она учить. Беззаветной преданностью родне, величайшим патриотизмом должна быть она пронизана.

Еще свежо в нашей памяти время, когда в оборонной секции союза писателей имела хождение вредительская «теория» молчаливого, врага народа Эйдемана о том, что оборонной литературы вообще не может быть, что оборонной тематикой вообще не существует. Враги народа систематически разваливали оборонную работу среди писателей, разрушали оборонную литературу.

Последствия этого вредительства должны быть ликвидированы до конца. Советские писатели — патриоты социалистической земли. Идеи оборонных книг, песен,

фильмов — идеи любви к родине и защиты ее от врагов вдохновляют миллионы массовых советских читателей и зрителей.

Но оборонных книг еще мало. Было немало до сих пор попыток в основе писателей «срочно», административным путем «организовать» оборонную литературу. Кроме шумихи, ненужного администрирования и никчемных резолюций эти попытки ничего не принесли. Мы не признаем и создания каких-либо комиссий или бригад, не ждем ни от кого деклараций, не хотим, чтобы началась очередная «кампания». Мы обращаемся к писателям: народ должен находиться в «мобилизационной готовности», — мобилизуйтесь для оборонной!

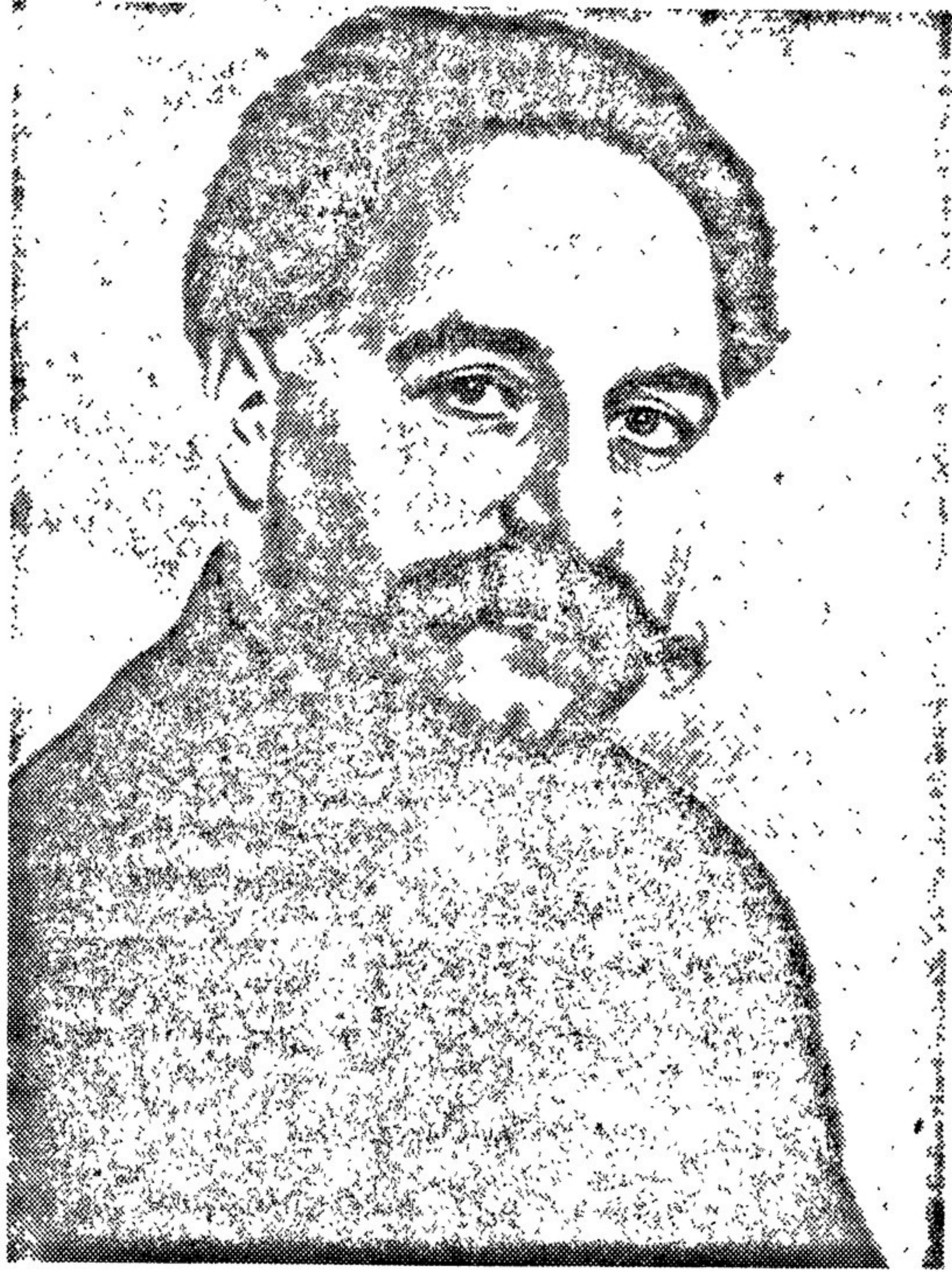
Советская литература создала ряд книг о доблести, о славе, о героизме Красной Армии в гражданской войне. Многие из них получили положительную оценку от самого строгого критика — народа, прошедшего самую строгую проверку — временем.

Но еще очень мало написано о Красной Армии сегодняшнего дня, о бойцах, командирах, политработниках, о пограничниках, о тех, кто сегодня защищает нашу страну. Две-три строчки, напечатанные в газете, о столкновении наших пограничников с вражескими налетчиками читаются всегда со жгучим и жадным интересом миллионов людей. Вспомним, с каким трепетом следила наша страна за событиями на дальневосточной границе, когда брат оменял на заставе погибшего брата, когда героическая смерть одного вызвала на подвиг десятки и сотни добровольцев. Для создания произведения, воспитывающего молодежь в духе патриотизма, здесь неиссякаемый источник тем.

Приближается 20-летие Красной Армии. Это всенародный праздник. Писатели могут и должны реализовать свою любовь к Красной Армии созданием новых книг, песен и пьес для красноармейца и командира, о красноармейце и командире. Это важнейший участок работы союза писателей, и на этом участке у нас пока еще самотек, отставание.

В союзе советских писателей, в редакциях журналов, издательствах должна быть создана такая обстановка, которая бы наиболее благоприятствовала развитию и рождению оборонной литературы. До сих пор еще очень мало серьезных статей о повести «Мяб» А. Толстого, о фильме Вишневецкого «Мы в Аршатаде», о пьесе Корнейчука «Гибель всадника». Вся литературная общественность должна бороться за то, чтобы оборонные произведения стояли на высоком уровне мастерства.

Оборонная литература — дело всего союза советских писателей. Нет у нас более почетного долга перед своим народом.

18 февраля 1938 г. — годовщина со дня смерти Григория Константиновича Орджоникидзе.

ВС. САБЛИН, З. ФАЗИН

ЭРДЖИКИНЕЗ — ВОЖДЬ БЕДНЯКОВ

Из исторической повести «Чрезвычайный комиссар»

Печатаемый бранным рисует момент обращения Серго Орджоникидзе к индусам Ингушетии с призывом выступить с оружием в руках против контрреволюционного казачества и белогвардейцев, захвативших в июле 1918 г. тогдашний центр Терской народной республики — г. Владикавказ; нынешний Орджоникидзе.

Возрождение волновало. Вчера вечером из города прислали несколько ингушей и сообщили, что на город напали казаки. Весть эта быстро распространилась в руках против контрреволюционного казачества и белогвардейцев, захвативших в июле 1918 г. тогдашний центр Терской народной республики — г. Владикавказ; нынешний Орджоникидзе.

Всю ночь на горных тропках слышался конский топот, всю ночь поспыскивали стрелами, и к утру в Возрождение собралось несколько тысяч конных. Шумный говор перекатывался по площади, где на отлете стоял большой каменный дом. Некогда здесь находилась контора имени графа Уварова. Топились возле него каменные котлы, ингуши перекатывали каждую новую восточку из города и ждали, что скажет старик.

Старик не спешил. Он сидел в кафеоне кабинета и вели между собой мирную беседу, передка заглядываясь промком хохотом. В центре, за столом сидел сам Джабагев, с важностью поглядывая длинные седые усы. Вокруг него уютно устроились в мягких изорванных креслах старик мullah Атаби, торговец керосином Саид и несколько стариков овецодов. Все они были членами Национального совета.

— Народы волнуются, — говорил Джабагев. — Везде полный беспорядок. Каждый думает то, что ему взбрет в голову. Много завелось умниц, а жидей дела, людей ума не видишь... Джабагев, усталый поднимаясь с кресла, хотел что-то сказать мullahу, но в это время у окна кабинета послышался крик: — Едут! Едут!

Мullah нахмурился. Старик бросился к окнам. — Кого посылает нам аллах? Серго вошел в контору, придерживая на груди полый запыленный бурки. — Здравствуйте! — сказал он старикам, останавливаясь у входа. — Я хочу поговорить с кем-нибудь из членов Национального совета! — Вы, наверное, знаете, какие события происходят сейчас в городе? — спросил он, пристально глядя на Джабагева. Контрреволюционные части казаков и осетин, возглавляемые полковниками, напали на нас в то время, как мы проводили ссид... — Да, мы об этом слышали! — ответил Джабагев, принимая важный вид.

— Вы, наверное, знаете, что рабочие отряды и делегаты ссиды уже второй день самостоятельно отстаивают город, — продолжал Серго. — Сидя противника не выдерживают, они хотят от нас уйти. Мы хотим пресловутую нашу ссиду. Он ушел обложив город и отрезать его от внешнего мира. Враг хочет овладеть Владикавказом. Укрепившись в городе, он ставит завтра громить ингушский народ. Учите, что казачьи кулачки и его гвардии — контрреволюционные офицеры и атаманы — глубоко ненавидят все революционное, и ингушскому народу, безземельному и нищему, никогда земли из их рук не получат... Серго помолчал. Потом, пристально посмотрев на Джабагева, резко произнес: — Вот почему я ставлю перед вами вопрос о поддержке советской власти в городе военной силой!

Джабагев молчал. Напряженно молчали и члены Национального совета. Из них только один Джабагев хорошо знал русский язык и понимал, какую силу имеет этот человек со смелым взглядом. — Ингушский народ — маленький народ! — проговорил, наконец, Джабагев. — Коран запрещает нам насильственным путем отбирать у мullahов его землю! У

ФЕДОР ГЛАДКОВ У СЕРГО (Глава из романа «Энергия»)

Секретарь скрылся за дверью кабинета наркома и сейчас же вышел обратно с застывшей виноватой улыбкой. Он пригласил Мирона и Валева кивком головы и проводил их пытливым взглядом.

Валева был строг и холодно замкнул. Мирон же не удержался и перемигнулся с секретарем.

Оба они вошли в кабинет с мягкой мебелью, простой, светлой истройой. Вперед, очень далеко, как показало Мирону, на большом письменном столе стоял Серго в олимпийском френче, немного бледный, стройный, с знакомым орлиным носом, смелым лбом и горящими глазами. Эти глаза, пристальные и проникновенные, сразу приковывали к себе, и каждый чувствовал, что от этих глаз, душевных, испуганных, нельзя скрыть своих мыслей. С этим человеком, который как будто открывал свои объятия, нельзя было фальшивить и кривить душой. В нем будто водновалась готовность приветливо протянуть руки навстречу, и в то же время и в лице и в фигуре сияло величавое спокойствие и строгость. Достойный и простой, он дышал властной силой и мудрой скромностью богатого опытом, много пережившего, много передумавшего человека. Казалось, что он весь светился, и от него неудержимо излучалась сердечная доброта, но в то же время чувствовалось, что есть какое-то непреодолимое расстояние, которое и возмывало и заставляло человека пристально проверять себя и следить за собой.

Привычным вымахом руки Серго острожно расправлял черные усы и с радостным изумлением поднимал брови. В горящих глазах его лучились лукавые искорки. С добродушным и мягким упреком он сказал шутливо, выходя из-за стола: — Ага, вот они, гидростроители...

Тяжелые, тяжелые на подъем... Завылости на своих живописных берегах... Пожар им руки, он опять расправил усы, и не угадая улыбки, обличительно посмотрел на него и на другого. Потом подтолкнул их к столу, покаялся на кресла. На свое место за столом он не возвратился, а сел тоже в кресло вместе с ними. Поправляя время от времени усы, он поглядывал на Мирона и Валева выжидающе, пытаясь и осмивающе.

Валева был, как всегда, строго одетый и официальный. Улыбнулся он только в тот момент, когда пожмал руку Серго, но улыбка эта была мимолетной, как вежливый ответ на шутку наркома. Мирон же никак не мог побороть в себе волнения и отстраненности в сердце. Он не спускал глаз с Серго и чувствовал, что весь отдался обаянию этого человека, что с ним он невольно и неразрывно связан был все годы подполья и революции, что он, этот великий и простой человек, несет в себе нечто огромное эпоху, что жизнь его, Мирона, слита с жизнью этого большого революционера и великого скромника. И это восторженное волнение охватывало Мирона каждый раз, когда он встречался с Серго. Он не отрывал от него глаз и думал, что вот этот человек был близок к Ленину, постоянно слышал его голос и его дыхание, что он — друг и соратник Сталина, что он видит его чуть ли не каждый день и вместе с ним решает сложнейшие вопросы современности.

— Ну, что у вас там?.. Все парки да сады расаживаете?.. — шутил Серго. — Дворцы для инженеров и рабочих строите?.. Да, плотину прожегиваете?.. Валева сдержанно улыбнулся, но ничего не ответил, и как будто ждал значительных и резких слов.

Мирон, выжидающе смотря в глаза Серго, сказал почитительно и усмехнувшись: — Мы пережили очень трудные дни, товарищ Серго. Последствия пролога сказываются и сейчас. Но мы удержали все основные силы: инженерно-технический персонал и кадровые рабочие остались у нас на местах. Мало того, мы успели подготовить новые кадры. И это благодаря тому, что мы в первую голову строили хорошие дома и рассаживали парки.

Серго удивленно разглядывал пальцами усы и внимательно слушал Мирона. — Но насколько я знаю, вы, Ватяги, вместе с активом протестовали против этой роскоши, и с восторгом у вас было, как всегда, война.

— Да, товарищ Серго, была затянущая война, но мы поняли, что мы сблблели. Викентий Михайлович и Чумалов были правы и более прозорливы, чем мы. Зато этот актив выдержал боеспособную борьбу за план.

Серго добродушно отмахнулся от Мирона и насмешливо прервал его. — Ну, это пока слова. Ваш план третий по всем планам Средний прогон вы обжаловали, а вы еще едите до сих пор забыт скалой. Шестнадцать бычков вы должны были забетонировать до высоты тридцати метров к ноябрю, но сейчас сентябрь, а вы еще не думаете о бетоне. Чем же вы хвалитесь?

Вдвун он вспомнил что-то и ласково сказал: — У вас там летучая отпичкается. Бригада Кати Вычкова дерется неплохо. Но, кажется, что им мешают бороться за высокие показатели. Почему не помогает им? «И о Кате уже знает...» с восхищением подумал Мирон. — Очевидно, помнит и знает о Мигоре рядовых людей!

— Таких, как Катя Вычкова, у нас много, товарищ Серго. План в 600 тысяч бетона и полимиллиона скалы мы с этими людьми выполним к сроку... Мы и прибыли к вам, товарищ Серго, чтобы рапортовать о развернувшейся борьбе и просить у вас руководства и содействия в этом большом движении.

Откинувшись на спинку кресла, Серго задумчиво трогал усы и как-то по-домашнему интимно и взросло сказал своим, присутствующим ему, коротким и дружеским голосом: — Конечно, поможем, что за разговор. Металлизация у вас превосходная, инженерно-технический персонал подобран хорошо, рабочие массы прошли высокую школу. Культурная отработка — залог успеха. Мы все учимся, учимся каждый день и каждый час. Не противостоят, не глумятся индустриальные рабочие, а общими усилиями и вдохновением каждого подготавливают и делают общественным событием. Нам, Ватяги, нельзя забывать примера гражданской войны и борьбы с внутренними вра-

гами... А у вас есть еще люди, которые стремятся авторизовать это движение. Пялты — не герои нашей истории. Вот Крижич...

— Крижич, товарищ Серго, — сказал Мирон, — на последнем собрании активая заявил, что он возглавит борьбу на плотине. — Это очень хорошо, но нужно ему помочь, нужно оказать ему дружескую поддержку. Кстати, ваш партийный комитет надо реорганизовать в горком. Зависимость вала от райкома сейчас только тормозит дело. У вас больше ста тысяч населения, огромная парторганизация.

— Вы предупредили меня, товарищ Серго... Серго дружески улыбнулся ему и выпрямился в кресле. — Мы невольно вспоминали о вас, Ватяги. Помните, как вы однажды насочили на Прихромова?

Он как будто забыл о Валева и даже сразу не взглянул на него, но чувствовал, что, обращаясь к Мирону, он все время подчеркивал исключительное значение поддержки, ее высокой организации и рамках. Видно было, что этим давал он понять огромную роль Валева, как настроя и автора проекта.

— Все-таки нужно признать, что напрасно мы пинали вас, Викентий Михайлович, — засмеялся он, обращаясь к нему так, точно он только с ним и беседовал. — Наш опыт культурно-бытового строительства нужно распространить на все предприятия страны. Взять Магнитку или Кузбасс. Отвратительно с жилищами, отвратительно с питанием. Вы избежали катастрофы благодаря тому, между прочим, что упрямо делали свое дело по созданию культурных быта. Вы правы. Это теперь несомненно.

На Магнитку, Кузбассе и других стройках думали наоборот: сначала, мол, построим заводы, закончим всю систему предприятий, а потом уж займемся вопросами культурного быта. Грубая ошибка, граничащая с вредительством. Скажите салы и парки, Валева, делайте хорошие дома, клубы и театры, боритесь за прекрасное общественное питание, создавайте все условия для удовлетворения растущих потребностей рабочих. Велите рабочие завтра у вас будут инженерами и техниками. Впрочем, у вас уже достаточно культурных людей, воспитанных революцией: Плеханов, Стучка, Баянтинич, из стариков: Шнейдер, Вильяев. Катя Вычкова — это же будущий гидротехник. Кстати, она прислала мне письмо...

Серго расторопно и протекторно перелад содержание написанного и строгого письма Катюши.

— Что вы скажете насчет ее «мухи»? — Это уж после нас... — сконфуженно ответил Мирон. — Ну, вот видите... Выходит, что вы руководите вообще, а ведь живая конкретная самая главная.

Он нахмурился и взглянул на него как-то сбоку, сердито и осудительно. — А хвалитесь. Но Катя Вычкова произнесла своей «мухой» пелену переводов в работе плавильной стрелы. Норма под'емов теперь увеличилась в два раза.

Мирон и Валева переглянулись и расторопно отскочили глава в сторону. — Я вас телеграфом о подробностях и поздравил Катюшу... Не сомневайтесь, что она выдержала большую борьбу... Божественная! Его глаза стали очень прозрачными и нежными.

— А ведь не может быть, чтобы эта ее «муха» родилась только в эти дни. Несомненно, комсомолка эта мучилась над ней давно, штурмовала всяких педантов и бюрократов. А вы, руководили, и недовольно... Не может быть, товарищ Серго... — запротестовал Мирон. — Если бы это было раньше, я знал бы А Викентий Михайлович лично сам принял бы в этом участие...

— Вы меня не зашугайте, Мирон Васильевич, — о грубоватой иронии сказал Валева. — Товарищ Серго прав: мы с вами анализируем больше борьбу за высокие принципы, а о какой-то Кате Вычковой и понятия не имели.

— Это неверно, — вспыхнул Мирон. — Катю я знаю хорошо: она — одна из лучших бетонщиц на плотине... Бригада ее из бывших школьных организована летом. — Ну вы, кажется, и здесь не прочь поспорить, товарищи... — засмеялся Серго. — Давайте займемся конкретными вопросами.

Валева завернул приготовленный письменный доклад и отмахнулся. — Нет, товарищ Валева, вы лучше кратко расскажите о том, что у вас нового, какое у вас затруднение и что вы будете делать до конца года. А письменный доклад оставьте.

Валева резким движением руки дернул борозду, и его небрежный нос стал будто еще тверже. Холодным и жестким тоном он начал говорить о тех потребностях, которые переживала стройка, о бедности кадров, о недостаточном и неумелом использовании механизмов, о календарном графике выполнения работ, который был фактически сорван летними событиями. Хозяйственный план не выполнен, но сейчас — полный перелом в жизни стройки. До конца года решено не только осуществить план управления, но завершить план встречный. Рабочие массы и инженерно-технический персонал дали обязательство встречный реализовать полностью. Была сложная борьба против встречного. Сопоставление старых специалистов, возглавляемых Стрижевским, с новыми. Он, Валева, тоже колебался до последних дней, но сомнения его рассеялись.

— Очень рад, — усмехнулся Серго. — Но борьба ведь еще не закончена. Что же вы предпринимаете для ликвидации последнего сопротивления? Да, борьба еще не закончена и волевыми опозиционными элементами приходится считаться. Нужно обратить внимание наркома на тот серьезный факт, что в самом Тяжиром эти элементы находят поддержку, и он, Валева, очень опасается, что противобойствие будет упорным и организованным: будут задерживаться и кредиты, и отпуски оборудования, и выполнение обязательств заводами-поставщиками, как это происходит с конструкторскими работами, и в кабелем, и с рельсами, и с паровозами...

Открылась IV Сессия ВЦИК XVI созыва

Вступительная речь тов. М. И. Калинина

Товарищи члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета! 21 января 1937 года Чрезвычайный XVII Всероссийский съезд советов утвердил Конституцию нашей республики.

На том же заседании съезд вынес следующее постановление: «Поручить Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету на основе новой Конституции РСФСР разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного Совета РСФСР.

Во исполнение этого решения съезд 10 февраля 1938 года Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета одобрил проект «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР» и также одобрил проект Конституции нашей республики.

На 18 часов заполняется зал заседаний Совета Национальностей. Места занимают члены ВЦИК, съехавшие со всех концов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и многочисленные гости — рабочие московских заводов и фабрик, представители Красной Армии, советской интеллигенции.

В зале появляются тт. Калинин, Молотов, Андреев, Жданов, Петровский, Шкрятов, Горкин. Гремя бурная овация. Члены ВЦИК и гости горячо приветствуют руководителей партии и правительства.

Краткую вступительную речь произносит тов. М. И. Калинин. Под шумные аплодисменты он объявляет IV Сессию ВЦИК открытой. В порядке дня сессии — проект Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР. Поянок дня и регламент утверждаются единогласно.

сского Центрального Исполнительного Комитета одобрил проект «Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР» и вновь его на рассмотрение четвертой Сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Я уверен, что четвертая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета проложит все усилия, чтобы сделать избирательный закон нашей республики истинным великим Сталинским Конституции.

Объявляю четвертую сессию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета открытой. (Аплодисменты).

подробно говорит об основных статьях проекта Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР, а также об итогах выборов в Верховный Совет СССР. Он подчеркивает огромный энтузиазм, с которым прошла избирательная кампания, показавшая безграничное доверие народов Советского Союза политике партии Ленина — Сталина, великому вождю и учителю народов товарищу Сталину.

Тов. Булганин говорит далее о грандиозных победах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, о бурном росте ее хозяйства, культуры, о несокрушимой мощи советского Дальнего Востока. Этим замечательных побед народы Российской Федерации достигли под руководством большевистской партии и великого Сталина. Под знаменем партии Ленина — Сталина народы РСФСР по-большевистски проведут выборы в Верховный Совет РСФСР.

Под бурные рукоплескания и приветственные возгласы в честь товарища Сталина, в честь великого русского народа и всех народов Советского Союза товарищ Булганин заканчивает свой доклад. После доклада председательствующий тов. Калинин объявляет перерыв до 11 часов утра 15 февраля.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Письмо т. ИВАНОВА и ответ т. СТАЛИНА

Тов. СТАЛИНУ

От штатного пропагандиста РК ВЛКСМ Мантуровского района, Курской области — ИВАНОВА Ивана Филипповича.

Дорогой тов. Сталин, убедительно прошу разъяснить мне следующий вопрос: у нас на местах, да и в обкоме комсомола имеется двойное понятие об окончательной победе социализма в нашей стране, т. е. путают первую группу противоречий со второй. В Ваших трудах — о судьбах социализма в Советском Союзе идет речь о двух группах противоречий — о внутренних и внешних.

победить можно только в мировом масштабе, только совместными усилиями рабочих всех стран. Будучи на семинаре штатных пропагандистов в обкоме ВЛКСМ, я основываясь на Ваших трудах, сказал, что окончательная победа социализма может быть в мировом масштабе, но обкомовские работники — Уроженко (первый секретарь обкома) и Казелков (инструктор по пропаганде) мое выступление квалифицируют, как троцкистскую вылазку.

ци и реставрации капитализма». И так меня посчитали пособником троцкизма, сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле. Прошу, тов. Сталин, разъяснить — имеем ли мы окончательную победу социализма или пока еще нет? Может быть я еще не нашел дополнительного современного материала по этому вопросу, в связи с изменениями современности.

Ответ т-щу ИВАНОВУ Ивану Филипповичу

Вы, конечно, правы, т. Иванов, а Ваши идейные противники, т. е. товарищи Уроженко и Казелков — не правы.

Вот что говорит на этот счет Ленин: «Мы живем не только в государстве, но и в СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» (т. XXIV, стр. 122).

в основном. Это называется у нас победой социализма, или точнее, победой социалистического строительства в одной стране. Мы могли бы сказать, что эта победа является окончательной, если бы наша страна находилась на острове и если бы вокруг нее не было множества других, капиталистических стран. Но так как мы живем не на острове, а в системе государств, значительная часть которых враждебно относится к стране социализма, создавая опасность интервенции и реставрации, то мы говорим открыто и честно, что победа социализма в нашей стране не является еще окончательной. Но из этого следует, что вторая проблема пока не разрешена и ее придется еще разрешить. Более того: вторую проблему невозможно разрешить в том же порядке, в каком разрешили первую проблему, т. е. путем лишь собственных усилий нашей страны. Вторую проблему можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа. Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...

И вот почему. Несомненно, что вопрос о победе социализма в одной стране, в данном случае, в нашей стране — имеет ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ стороны. ПЕРВАЯ сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений классов внутри нашей страны. Это — область ВНУТРЕННИХ отношений. Может ли рабочий класс нашей страны преодолеть противоречия с нашим крестьянством и наладить с ним союз, сотрудничество? Может ли рабочий класс нашей страны в союзе с нашим крестьянством разбить буржуазию нашей страны, отобрать у нее землю, заводы, шахты и т. п. и построить своими силами новое бесклассовое общество, полное социалистическое общество?

И дальше: «Мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого шаштетки мы всегда на волоске» (т. XXVII, стр. 117).

Из Вашего письма видно, что т. Уроженко держится других, не совсем ленинских взглядов. Он, оказывается, утверждает, что «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма». Не может быть сомнения, что т. Уроженко в корне не прав. Такое утверждение т. Уроженко может быть объяснено лишь непониманием окружающей действительности и незнанием элементарных положений ленинизма, или же пустопорожним хвастовством знавшего молодого чиновника. Если мы в самом деле имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма, то нужны ли нам после этого сильная Красная армия, Красный флот, Красная авиация, сильный Осоавиахим, усиление и укрепление интернациональных пролетарских связей? Не лучше ли будет миллиарды денег, уходящие на усиление Красной армии, направить на другие нужды, а Красную армию сократить до минимума, или даже распустить совсем? Такие люди, как т. Уроженко, если они субъективно даже преданы нашему делу, объективно опасны для нашего дела, ибо они своим хвастовством волюно или неволю (это все равно!) усыпляют наш народ, демобилизуют рабочих и крестьян и помогают врагам застигнуть нас врасплох в случае международных осложнений.

Таковы проблемы, связанные с ПЕРВОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране. Ленинизм отвечает на эти проблемы положительно. Ленин учит, что «МЫ ИМЕЕМ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА». Стало быть, мы можем и должны собственными силами одолеть свою буржуазию и построить социалистическое общество. Троцкий, Зиновьев, Каменев и прочие господа, ставшие потом шпионами и агентами фашизма, отрицали возможность построения социализма в нашей стране без предварительной победы социалистической революции в других странах, в капиталистических странах. Эти господа по сути дела хотели повернуть нашу страну назад, на путь буржуазного развития, прикрывая свое отступление фальшивыми ссылками на «победу революции» в других странах. Об этом именно и шел спор у нашей партии с этими господами. Дальнейший ход развития нашей страны показал, что партия была права, а Троцкий и компания были не правы. Ибо за это время мы успели уже ликвидировать свою буржуазию, наладить братское сотрудничество со своим крестьянством и построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствие победы социалистической революции в других странах.

В самом деле было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только голубоваты или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ. Но можно ли считать победу социализма в одной стране окончательной, если эта страна имеет вокруг себя капиталистическое окружение и если она не гарантирована полностью от опасности интервенции и реставрации? Ясно, что нельзя.

Что касается того, тов. Иванов, что Вас, оказывается, «сняли с пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле», то опасаться Вам этого не следует. Если люди из обкома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чеховскому унтер-офицеру Пришибееву, можно не сомневаться, что они проиграют на этом. В нашей стране не любят Пришибеевых.

Так обстоит дело с ПЕРВОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране. Я думаю, тов. Иванов, что Ваш спор с т.т. Уроженко и Казелковым касается не этой стороны вопроса.

Теперь Вы можете судить, устарело ли известное место из книги «Вопросы ленинизма» по вопросу о победе социализма в одной стране. Я бы сам очень хотел, чтобы оно устарело, чтобы не было больше на свете таких неприятных вещей, как капиталистическое окружение, опасность военного нападения и реставрации капитализма и т. п. Но, к сожалению, эти неприятные вещи все еще продолжают существовать.

И СТАЛИН. 12 февраля 1938 г. («Правда», 14 февраля 1938 г.)

ВТОРАЯ сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений нашей страны с другими странами, с капиталистическими странами, проблему взаимоотношений рабочего класса нашей страны с буржуазией других стран. Это — область ВНЕШНИХ, МЕЖДУНАРОДНЫХ отношений. Может ли победивший социализм одной страны, имеющий в окружении множество сильных капиталистических стран, считать себя вполне гарантированным от опасности военного вторжения (интервенции), и, стало быть, от попытки восстановления капитализма в нашей стране? Могут ли наш рабочий класс и наше крестьянство собственными силами, без серьезной помощи рабочего класса капиталистических стран, одолеть буржуазию других стран так же, как они одолели свою буржуазию? Иначе говоря: можно ли считать победу социализма в нашей стране окончательной, т. е. свободной от опасности военного нападения и попытки восстановления капитализма, при условии, что победа социализма имеется только в одной стране, а капиталистическое окружение продолжает существовать?

Таковы проблемы, связанные со ВТОРОЙ стороной вопроса о победе социализма в нашей стране. Ленинизм отвечает на эти проблемы отрицательно. Ленинизм учит, что «окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» (см. известную резолюцию XIV конференции ВКП). Это значит, что серьезная помощь

У СЕРГО

Начало см. 1 стр.

Серго слушал добродушно, с задумчивой мягкостью в глазах, расправлял пальцами усов и чуть-чуть улыбался. Эта улыбка была такой, точно он делал вид, что внимательно слушает Валеева, а на самом деле старается уловить в голосе начотры какую-то скрытую суть — его характер, душу его, интимное его, балевское, дышащее. Все они, эти начальники строек, директора заводов держат себя официально, застенчивы на все дутовщичьи: один — попросе, другие — чинно-важно, но Валеев — европеец, он никогда не распыляется, он надежно и навсегда замыкает и непроницаем. И слова его — идеальные-правдивы, скруты и бесспорны, как рапорт. А когда он чувствует, чем живет, что его трогает и волнует, когда он остается один, как он относится к людям, — этого не узнает никто. Рядом с ним Ватагин — прохитя, лобастый, сердечно-горячий парень, готовый вывернуть свою душу. Но он слушает жалкие глаза с лица Серго, и его неудержимо танет слюнопись к нему и совсем незаметно конуется его ружь. Он едва сдерживает дыхание, и ему неловко от металлических, чеканных слов Валеева. Ему хочется оторвать их, чтобы Серго высветился, зардаловался.

правду-мату выражать напряженно. Ежели, к примеру, дали мне свободу подобрать людей и поставить на свои места да связать смежные звенья, я дал бы на своем отянке пять норм... — «Давно, спрашиваю, на производстве?» — «Пережил, говорит, три революции, товарищ нарком». — «Хорошо, говорю: проводишь свою систему. О результатах сами телеграфируйте мне лично. Не успел я приехать в Москву, как получаю телеграмму: «Дав на своем отянке шесть норм высокого качества». Это вы мне знаете: ово гремит по всему Союзу. Человек пережил три революции и был бесвестным, как многие на миллионы, а теперь у него — всевозможные, и в им горло чужие страны. Главное, во-первых, услышать человека, во-вторых, оценить его опыт, во-третьих, подхватить творческую инициативу, поощрять, во-вторых, почувствовать его материальную мысль и порыв. Очень важно, чтобы эта мысль не перерела, не поблела...»

Я также считаю заявление Уроженко антибольшевистским, что труды тов. Сталина по этому вопросу немощно устарели. И правильно ли поступили работники обкома, почитав меня троцкистом. Это для меня очень обидно и оскорбительно. Прошу, тов. Сталин, не откажите в просьбе и дайте ответ по адресу — Мантуровский район, Курской обл. 1-й Засемский с/совет ИВАНОВУ Ивану Филипповичу.

Разглаживая усов, он прислушивался к себе, вероятно, вспоминая встречу за встречей с рабочими на разных производствах. Сколько у него знакомств, сколько в памяти его людей, которые беспокоят его мятельными замислами, предложениями, требованиями, протестами, сколько писем и проектов присылают ему со всех концов Союза! Он должен быть, слышит постоянно, как бытует сердца этих людей, и видит тысячи глаз, торчащих над головой. Вся страна в бесконечных своих делах живет трудовым беспокойством рабочих людей в заводов, в на полях, и в шахтах, и в Красной Армии, — и эти бесвестные люди сейчас, вот, когда Мирон и Валеев беседуют с Серго, мучаются, спорят, упорно думают и добиваются больших и маленьких побед. Они непрерывно заняты метами о переменах, о перебротах в производстве, их ставки и кусторы, распорядок работ и габарит — слишком устойчивы и инертны: они держат их в плену старых норм и обрывают их на неподвижность. А они, эти рабочие, пережившие три революции, и эти молодые парни не желают топтаться на месте, не хотят покоя, бунтуют, приспособляют свои машины к себе, к революции, чтобы подействовать время и людскую коность.

Серго сам склонился к Валееву, опираясь локтями на ручки кресла. Голову он держал прямо, и открытый лоб его и энергичный шаг нося делал его настроенным, чутким и каким-то ярко-молодым! Глаза затанцевали улыбаются: впрочем, это была не улыбка, а скорее игра живой, пронацательной мысли. Он быстро расправил усы и перебил Валеева.

— Стални потому велик и любим, — вальдушно говорил Серго, поднимая руку, — что сила его — сила масс, мудрость его — мудрость масс. Его уважение и кровная близость к людям труда — непреодолимая. А сколько овежили и ярых людей и талантов вошло! И мы, руководители, ответственные за каждого из них. Идем по заводу, заглядываем в чех, и бьется сердце. Как-то встретил? Что-то скажу? Говорю как-то в кухне работяги, — а все больше молодежь, — что талантов в нашей стране кучи не клюют, надо только уметь видеть их. А мне один из входов заальчиво отвечает: «Товарищ Серго, не в том дело, что талантов много, а в том, чтобы эти таланты сделать». Очень хорошо скавал... Молодец... Много передумал парнишка...

— Скажете, Валеев, прямо: вы верите в то, что люди сделают так именно, как хотят? Валеев с сердитым недоумением откинулся на спинку кресла и столкнулся глазами с Серго. Ему показывалось, что Серго испытывал его своей лукавой усмешкой, и он наступил на его оскорбление.

Он эволюционно встал и вопросительно поглядел и на Мирона и на Валеева, точно ждал от них осознания. Немного склонившись к полноте, в своем френче одиозного цвета, он казался величественным, очень здоровым и сильным. Но Мирон знал, что Серго тяжело болен, что недавно у него была сложная операция. И отнюдь Мирон не вспоминал, что эта широкая рука поднимает руку вождя, что сегодня он, вероятно, встретится со Сталиным, как встретится всегда, — в простой семейной обстановке.

— Я, товарищ Серго, немедленно вынул бы вам о своей отставке, если бы позволил себе криводушие и неискренность. Я — груб в своей прямоте, это, может быть, недостаток, но и — черта.

Мирон и Валеев тоже стали Серго подожгли им руки на плечи и прошлепало в ними по комнате. — Как ваше здоровье, товарищ Серго? — осторожно спросил Мирон. — Нет ничего скучнее, как разговоры с врачами. Чепуха. Чем люди живы? Толстой был великий художник, а на этот вопрос ответил, как ханжа: люди живы не устройством своего бытия, а покорным ожиданием смерти. Между тем, это был человек откидной лопки к жизни и врагов ненавидел. А мы врачи уничтожаем беспощадно, чтобы создать и утвердить здоровую и прекрасную жизнь, чтобы человек наслаждался счастьем неслышало. Это здорово? Ну, немного надуму... Это живить-то как-то создается! Знаете, как в «Коммунистическом манифесте»: буржуазия погасила священные огни, разменила на деньги все чувства человека, его любовь, науку, поэзию. А мы эти священные огни зажгли. И человеческие чувства, любовь, наука, искусство — это наше дыхание, наше поведение...

— Я слушаю рабочих следует: очень интересны и мудры народ. И растет замечательно. Приеду к вам на стробку и обяжетесь наравно на нас отаких отпритых парней. Вот они у нас — много строгих критиков... — С болью крикнул, товарищ Серго... — подтвердил Мирон, — с волнением крикнул, о гневом.

— Вот встретились, поругались. Это — хорошо. Почаще встречаться надо. Тут — не министрство. Чумалов всегда врывается ко мне с целой бурей претензий и вопросов. Ватагин в тигровой шкуре... «Ты сам вытязь...» — подумал Мирон с невыразимой любовью к Серго и чувством, что за этого человека он сейчас же отдал бы свою жизнь. — Ты сам вытязь... красавец... — Все сделаем, товарищ Валеев, только вы нам плотину возведете к ороку. Можно надеяться? Валеев с эвонной жемкостью и жаром ответил: — Все возможное ооооооо, товарищ Серго... — Ну, отезь рал... Спасибо, товарищи, ва дружку... Телеграфируйте, если что не так... Как поживаете ваша белка? Он потрепал руку Валеева и замолчал. Валеев тоже потрепал руку Серго. Он был расторопн, и в лице его была невиданная мягкость и веселье.

— Вы я как-то на одном большом заводе. Хожу по цехам, вижу, стоят у станка хмурым такой одолугой рабочий. Сугая влоду, целое событие — приезд наркома. А он поглядывает из-под бровей неодобрительно. Подхожу. «Ну, как работаете, старина?» — «Работаем, товарищ нарком, как говорится, ни платко, ни выхлоп... Капиталот остался бы доволен». — «То, говорю, капиталот, а вы-то? Вы-то, ховяки, довольны?» — «А я-то, смеясь судить не ховяки, недоволен». — «Почему?» — «Потому, что системы настоящей нет, не знаем и не хотим расставить силы, не помогаем друг другу. У нас у каждого своя система». — «Какая же у вас система?» — «Не объясняется, товарищ нарком: я привык

Серго проводил их до самой приемной, и когда они обернулись назад, он приветственно поддал руку.

ЕДИНАЯ ТЕМА

«Знамя», 1938 г. № 1

Эдуард Багрицкий

К 4-й годовщине со дня смерти

В память мою Он вошел таким: С бровями, покрытыми Пепельной пылью. С гичевой шепотью Большой руки, С плечами, Поднятыми, как крылья. В Радиоцентре, На темной скамье, Сидел. По-одески надвинув башку. Он — говорил. Но казалась мне, Он занят какой-то Труднейшей задачей. Казалось, он брал В ястребину горсть И тискал туго, Упрямую массу. И будто выкачивал Крешный гвоздь — В тазу строчкам На «Думы про Опанаса». Я слушал — И молча думал о нем, Запомнил Его приемы. Я думал: Мы песню его — Сбережем. Но нам не обречь Самого поэта. Свернуть за угол, Мы шли по Тверской, — В Дом Герцена Многим знакомый путь! — И он, задыхаясь, Хватал рукой Крипичную в аэте Большую грудь. С твоей грудью — Как мог он лететь? Казалось, навстречу Летела смерть. А в воздухе Тяжелый порхал снег — И мягко ложился У наших ног. На перекрестке. У Моссовета. Где стало заметно, Что день погас. Пожал я Нетвердую пуху поэта, Быть может. В последний раз... Шел переулками — В белый вечер. И шаг казался — Опять двойной: Казалось, что рядом — Высокие плечи Того, Кто только что Шел со мной

АНТОН ПРИЩЕЛЦ

ИЗДАНИЕ МАРКСИСТКО-ЛЕНИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

В районах Узбекистана колоссально вырос спрос на произведения Ленина и Сталина. Изданные в конце 1937 г. отдельными брошюрами на узбекском языке статьи В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», «О Марксе и марксизме», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» — разошлись в короткий срок. Сейчас Госиздат Узбекистана выпускает второе издание этих брошюр тиражом по 25 тыс. экземпляров каждая. Разосланы в районы только что вышедшие на печати брошюры: Ленина — «Что делать?» и Сталина — «Об основах ленинизма». Ряд колхозов Капка-Дарьинского округа закупил для библиотек на 3.850 руб. сочинения Ленина и Сталина на узбекском языке.

«ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ»

Гослитиздат выпускает новый сборник стихов и песен народного певца Кахабиза Ордоносидзе Джамбула, в переводе Алтаского и Кузнецова. В сборник включены последние произведения поэта, созданные им во время поездки из Алма-Аты в Абхазию на государственной пленуме союза советских писателей. В сборник вошли песни о дружбе народов, о Грузии, о Гори — родине товарища Сталина. Книжке предпослано предисловие Г. Караваева, в котором описывается поездка Джамбула на родину великого грузинского поэта Шота Руставели.

КАЧЕСТВО БЕРЕТ ГОРОДА!

Вопрос о так называемых «молодых» поднят К. Симоновым своевременно. Действительно, слово «молодые» почему-то утратило свою первоначальную прелесть и превратилось в некое пошлостное прозвище. Конечно, каждого молодого автора надо оценивать индивидуально и по заслугам. Но в том-то и состоит безобразность положения, что к разряду молодых, как в календаре «защитного города», принято относить всех совершенно пишущих (в том числе пишущих лавным-лавым), всех лунно мыслящих всех ошибочно избранных литературную специальность цели своей жизни или даже относящихся к литературе, как к «легкому источнику существования». Сда же, к молодым, механически пристегиваются лица, работающие хорошо и добросовестно, но по скромности своей уже последние в тишном ожидании справедливой критики. Откуда такое вульгарное, велевое разделение? Мне кажется, начало всего этого лежит в бывших рапповских канцеляриях с их «генеральным секретарем», «призывом ударников в литературу», «конкретными кадрами». Чем-то ушло легионистским и казарменным пахнет от этой тупой «теории молодых». В самом деле, разве совсем юный Веневитинов первыми же удачными стихотворениями не завоевал место в ряду признанных поэтов — своих современников?

К 20-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота Исагия выпустил новый плакат работы художников Дени и Долго рукова «Кто силен в воздухе, тот в наше время во обще силен».

«Песня о тачанке»

У Михаила Рудермана есть свой поэтический голос, пусть небольшой и негромкий, но теплый и лирический. Если приглядеться к форме и характеру его стихов, то можно, пожалуй, прощупать влияние поэтов-ахматов. В стихах М. Рудермана, написанных на разные темы, есть одна общая черта — интимность и женственность, интонация, порой напоминающие Анну Ахматову. Писать мне почтнее, родная, Большею о доме пишешь. Страна здесь глухая — речная, Болота, туман, камыши...

Женственная мягкость — это и плюс и минус стихов М. Рудермана. Эта мягкость приятна потому, что мы за последние годы привыкли к стихам жестковатым, иногда сверх меры сухим и суровым по интонациям. В стихах интимно-лирических, любовных («Даже ночь тебе не помеха», «Весенние стрелы» и др.), голос М. Рудермана звучит очень тепло и свежо: Затаяли свой пестрый шарф потуже И поили волью мокрых площадей, Обходя аквариумы-лужи С золотыми рыбами лучей. Воздух смутен, гулок и тревожен. Тяжелый снег мерлушкой лет у ног. И в глазах рассеянных прохожих Семипятых брызг перелеток.

Но эти же мягкость и интимность часто вредят автору, когда он берется за темы гражданской войны и героических дел: широкая панорама темы плохо мирится с камерностью стиля, получается разноречие, и тема снижается. В некоторых стихотворениях («Как пена — жизнь», «Письмо») и др. тема войны и обороны кажется даже каким-то посторонним придатком к остальному поэтическому материалу. «Песня о тачанке», именем которой названа вся книга, наряду со стихотворением «Лен» (тоже песенного жанра), по певучести и живности, по хорошей народности языка, по инструментальности отдельных строк — едва ли не самые удачные вещи из всего сборника.

При всей пестроты тематики стихов М. Рудермана в значительном своем большинстве кажутся какими-то «вторичными», отголосками от нашего бурного и стремительного сегодня. И хотя на титульном листе стоит 1934—1936 гг., все же кажется, что некоторые вещи написаны значительно раньше. Поэтический язык М. Рудермана не всегда гладок. Например, в стихотворении «Молокову» — одна строка («Как байларюк летел») почему-то выпадает из ритма всей вещи. Встречаются строчки, грешащие против эвфонии: Михаил Рудерман. Стихи. 1934—1936 гг. Стр. 119. «Советский писатель», 1937.

Вас. ИВАНОВИЧ

Робкий и счастливый ее смех (изящней), Над зазолотившимся туманом, Есть неудачные переносы: Петь ему хочется. Кажется — весь Мир повторять звенящую песню!

Покажи ее растущую между Двух еловых рошиц, например. Мы живем на родине, которой Равной в мире не было и нет. Есть прозаизмы, портящие общий тон стиха: Заметались в Ростове лампасы, Оставая бодропиласы. У стихов дала плохое: Ледяные фарты глухие С длинным грохотом отлетят.

В стихотворении «Ночь» есть весьма удачный образ: «Балагурит сыновский месяц и рядом: «И бабы балагурят у крины». В «Весенних строфах» — «солнце балагурит». Не слишком ли много «балагурства»? М. Рудерман любит неопределенные отрывчатые эпитеты и зачастую злоупотребляет ими: «Мой необъяснимый страх», «Немыслимый запахю под и солом», «А над тропиком дуга необыкновенная», «Тесно девушка сидит необыкновенно», «Почажи нам рост необычайный», «Необыкновенная природа», «Все необъяснимо, чудное», «Немыслимой свежестью дыша».

Есть образы очень спорные. Например: Радостно смотрели молодые, Как бросают счастье старки. Вряд ли можно говорить так о посевах. Выражение «бросать счастье» очень похоже на «бросаться счастьем» и к севу зерна никак не подходит. Но при всех отмеченных недостатках есть у М. Рудермана строчки вполне поэтические и запоминающиеся: И холодным утром ола, Возвращаемся во мле, Леденяя от озноба, Засыпая на селде, К утлым, к пещному жару В синий предзвездный час. К золотому самовару. Ожиданному нас («Ночной дейд»). Надо пожелать М. Рудерману, не теряя мягкости и теплоты интонаций, постараться найти иногда и более мужественные краски, отойдя не за счет прозаизмов и намеренного огрубления образов. Поэт должен найти свой круг тем, — и нам кажется, что стихи «Мандариновых совоков», «Ночной реял», «Песня о тачанке», «Весенние стрелы» — это его сфера, а стихи «Алтынара», «Японская миниатюра», «Атманья бегут...», «Поход и даже «В полете», «Сфера менее близка ему и выразилась языком музыки, непригодная для его партитур. Думается, что М. Рудерман мог бы с успехом работать в песенном жанре, после удачного дебюта «Песни о тачанке». Замечание к издательству «Советский писатель»: книжка в 120 страниц на серой неважной бумаге, без иллюстраций, расценена в 4 рубля. Она могла бы стоить дешевле.

Вас. ИВАНОВИЧ

«Только народ бессмертен. Все остальное — преходяще. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа». Эти великие слова стоят эпиграфом к повести, которая напечатана в январском номере журнала «Знамя». Их можно было бы поставить и на титульном листе этой книги. Содержание книги едино. Основные вещи посвящены теме: народ, его бессмертие; вожди народа, ведущие его к свободе, могуществу, славе. Книга открывается двумя короткими песнями о Ленине азербайджанских ашугов Имана и Халиля. Далее журнал печатает речь товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского округа гор. Москвы. Товарищ Сталин говорит о доверии народом, о том, каким должен быть избранный народом. Великий вождь говорит в этой речи: «Я бы хотел, товарищи, чтобы вы влияли систематически на своих депутатов, чтобы им внушали, что они должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всем». Два сообщения Центральной избирательной комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР как бы продолжают развивать все ту же тему — о народе и его избранных.

И непосредственно к этому примыкают два самых крупных произведения из напечатанных в книге — повесть В. Шкловского «Русские в начале XVII века» и поэма К. Симонова «Ледовое побоище». Ломоносов писал так: «Возрастает до великого величества, Россия, и восходит чрез сильные и многообразные препятствия, коль многия деиция и приключения дати могла писателям, о том удобно рассудить можно». И еще об этом же: «Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих; то правдивая ли история побуждает к похвальным делам не имеет сил; особливо та, которая изображает дела праотцев наших». Так рассуждал Михаил Ломоносов о воспитательном значении исторической литературы и доказывал, полемизируя с «внешними писателями», что история русского народа богата примерами героизма и доблести. История родного народа привлекала к себе гениальных мастеров русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого. Первая трагедия первого русского драматурга Сумарокова «Хорев» была написана им на сюжет из отечественной истории.

В наши дни интерес к истории необычайный. Советские писатели не могут не видеть, «как многие деиция и приключения» дают им «дела праотцев наших». Историческая тема закономерно отволаживает себе все больше места в советской литературе. «Русские в начале XVII века» названы повестью. Это верно, но, конечно, не в общезначимом смысле, а скорее — в энциклопедическом. Это — повествование об историческом событии, которое в наши дни вызывает огромный интерес.

Ученики, которые изучают историю, запоминают не типографские знаки, а определенные сведения и запоминают по-разному в зависимости от того, как написана книга. Для того чтобы сделать историю народа достоянием народа, историк должен быть требовательным к себе, как к художнику. Поэтому в статье профессора А. Шестакова, напечатанной в «Литературной газете», нас больше всего огорчает фраза: «Мы не собираемся полемизировать с высокой литературно-критической оценкой, данной «Красной площадью» Валентином Катаевым в последнем номере «Литературной газеты» от 5 ноября».

Историк-профессору, создавшему массовую книгу, человеку, которому еще много придется работать над ней, конечно, очень интересно было бы проверить, как же пишет Всеволод Иванов, и можно ли у этого писателя чему-нибудь научиться. Дело в том, что ученикам не все равно, как написана книга. Я не буду подражать скромности профессора Шестакова. Когда я сам написал большую историческую очерк, то прежде всего обратился к профессору Шестакову. Профессор был занят, отправил меня к другому специалисту, который указал в моей работе много ошибок. Так должен был сделать Всеволод Иванов, так должны были сделать те редакторы, которые печатали его вещь.

Но мы от профессора Шестакова ждем оценки не учителя, правящего тетрадку красным карандашом, а ученого, который отчетливо покажет нам, что мы умеем и чего мы не умеем. Я бы мог удовлетвориться тем, что начал разбирать какую-нибудь фразу Шестакова и доказывать, что она трудно написана. Но точно так же, как я жду от Шестакова литературной оценки вещи Всеволода Иванова, так я рещусь на несколько исторических замечаний по поводу мест, подчеркнутых профессором в сочинении Иванова.

Профессор пишет: «О Степане Разине, казненном на Болотной площади, сообщается, что он был казнен на Красной площади». Странно, действительно, мнение, что Степан Разин казнен на Болотной площади. Но народная песня поет: Поймали добра молодца, Завязали руки сильные, Повезли в Москву престоловую И на главной Красной площади Отрубили буйную голову. Кустомаров, монография которого «Бунт Степана Разина» увлекался Максим Горький, пишет: «6 июня его вывели на лобное место вместе с братом. Множество народа стояло на кровавое зрелище. Прочитали длинный приговор, где изложены были все преступления обвиненных. Степка слушал спокойно, с гордым видом. По окончании чтения, начал выдвигать руку. Степка обратился к церкви Покрова Пресвятыи Богородицы».

Мнение, которое придерживается профессор А. Шестаков, не очевидно, его надо доказывать. Дальше, А. Шестаков, указав на действительную ошибку В. Иванова, принявшего название профессии за прозвище, пишет: «С Муромлями, вообще, Вс. Иванову не везет, и он заставляет Растрелли, который, как известно, строил только в Ленинграде, построить в Москве дворец Анне Иоанновне». Если в распоряжении профессора Шестакова нет новых документов, то обширное мнение состоит в следующем: что в Москве Варфоломеем Растрелли руководил построкой Аннеиоанновского и Лефортовского дворцов. Кроме того Растрелли строил в Троицко-Сергиевской пустыни Благовещенский собор в Киеве и «несколько других сооружений, как в обеих столицах, так и в провинциальных городах, где проекты Растрелли были в большинстве случаев приводимы в исполнение местными архитекторами». Указание профессора Шестакова, что Растрелли строил только в Петербурге, таким образом, спорно. Дальше Шестаков пишет: «Красная площадь» полна фантастических превращений — на одной площади 200 казавов, во время голодовки при Годунове погубит у него полмиллиона человек и т. д. Зачем-то выдумывается патриарх, не существовавший тогда... Кабаков как будто много, хотя числа я не проверял. Что касается количества мертвых, то есть сведения, что в одной Москве умерло 127 тысяч. А вот с патриархом понять трудно. Очевидно в тексте профессора Шестакова утверждается, что при Годунове в Москве не было патриарха. Патриаршество в России утверждено в 1589 году Ссылаюсь на книгу Филарета Гумилевского «История русской церкви», стр. 467. Учреждение патриаршества произошло не без трений, и патриарх Нерсисяс прислал особую грамоту об утверждении патриаршества в России за подписью своего и патриархов Иерусалимского и Антиохийского только 1590 г. Если профессор указывает на какой-нибудь перерыв в русском патриаршестве в эпоху Годунова, то фраза построена не точно. Все это не доказывает, что вещь Иванова свободна от всяких ошибок. Совершенно правильно, например, указание профессора Шестакова о неправильном употреблении Всеволодом Ивановым понятия «финя», о неточности в названиях Петербургских площадей и мн. др. Мы ждем от историка, чтобы он показал нам умение анализировать документ, умение находить материал, умение проверять показания. Чрезвычайно было бы важно собрать писателям с историками так, как недавно собрался историк на кинофабрике, разбирать сценарий Павленко и Эйзенштейна «Русь». Делались очень серьезные указания, указывали на ошибки очень существенные. Много из того, что говорили историк, было уже исправлено до них в сценарии, потому что это, с одной стороны, было исторически сомнительно, а с другой стороны, возбуждало и художественные сомнения, потому что искусство правдиво и важно обиху в нем все-таки чувствуешь. Между прочим, говорили и об искусстве. Об искусстве говорили историк, а кинематографисты говорили и об историк. Дело не в обиху, и у Всеволода Иванова столько написано хорошего, столько им самим уничтожено, что он в моей охране не нуждается, но в дискуссии, начатой профессором Шестаковым, неприятно одно — перегородка, устанавливаемая между наукой и искусством.

В порядке обсуждения.

Сатирически сильно сделано в поэме сравнение немецких интервентов, бежавших из Пскова в XII веке, с их правнуками, пошедшими покидавшими этот же город в 1918 году под натиском революционных русских рабочих и крестьян. Поэма проникнута благородным чувством советского патриотизма и гордостью за свой народ. Князь Невский защищает Русь от иноземцев, он побеждает, потому что за ним идет в эту битву народ. Он — вождь, один из тех талантливых организаторов, которых выдвигает масса, когда решается судьба родины. Героев К. Паустовского («Северные рассказы», Рассказ первый) начинаешь любить уже со второй страницы. Действие в рассказе происходит в 1926 г. его герои: офицеры-декабристы, солдат, забитый шпицрутенами, прекрасная девушка, спасающая декабриста от царской пети, наконец, добрые и свободололюбные моряки равных наций. Случайно ли это, не знаю, но одно из лиц, действующих в рассказе Паустовского, полковой адъютант Мерк, очень похож на Берга, второстепенного героя «Войны и мира». Можно сказать, что Паустовский ничего не отбросил у Берга, но лишь прибавил Берг — эгоист, педант, тупица, мелкий карьерист. Толстой с презрением и умишкой следит за ним. Мерк — тот же Берг, но у Паустовского он командует высшейшей и приказывает музыкантам играть на морозе по несколько часов, потому что любит музыку. И это совершенно естественно для Берга-Мерка, здесь нет натяжки. Это именно потому выражает «характер времени», что Мерк служит в полном полке с офицерами-декабристами. В конце книги напечатана статья Н. Бельчикова о Полежаеве. Это тоже взгляд назад. Образ неукротимого поэта, не сдавшегося до последнего вдоха царственному палачу, снова будит воспоминания о «делах праотцев наших». И даже стихотворение А. Суркова «Двадцатилетним» обращено в прошлое. Это прошлое крепко связано с нашим сегодняшним днем. Юноша видит сон, он видит во сне деда. Как надломленный подсолнух, Он стоял на полюсе. Прекрасно описано пробуждение юношеского сознания и то, что он видит, проснувшись. Ему приснились страшные годы, а проснувшись он в золотом веке. Двадцатилетним рассуждается о хлебе, бьет колотыми ключи, серый жаваоронок вытесил над поманьями думами, жуужат медные пчелы. — «Твой покос», — стучит кузнечик. — «Твой покос», — шуршит пшеница. — «Твой налив», — лепечут листья. — «Все твоё», — жуужит пчела. В поэзии этой — полновесная радость, зримое и осязаемое счастье жизни. Таким образом, содержание книги — единое. Несколько вещей нам не названо, они лежат вне темы. В целом же, январский номер «Знамени» радует читателя.

Пушкин написал «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». «Капитанская дочка» сыграла неизмеримо большую роль в распространении знаний об эпохе Пугачева, чем «История». Напомним, что советский роман об изгнании польских интервентов в XVII веке еще не написан. «Ледовое побоище» К. Симонова читается с интересом. Поэма несколько неровная и, между прочим, могла бы быть легко сокращена путем удаления слабых мест (хотя бы из валов четвертой главы). Сомнительны такие выражения: «Он ходит боярам прищепил», или «Тот им под вал колесной дель». Но больше удач. Превосходно написано о низкорослом и сильном князе Александре, что он Сидел, нахолившись, высоко В огромном боевом селде. Как маленький и сильный сокол, Сложивший крылья на скале. Хороши мужики в битве, когда В рубахах странных нательных, Тузупы на землю швырнув, Они бросались в бой смертельных, Широко ворот расстегнув.

В. ШКЛОВСКИЙ

Историк и художник

Один из наших историков, составитель учебника, объясня, как преподавать, говорил, что в младших классах на урок нельзя задавать более 20.000 знаков. Историк этот, впрочем, совершенно уважительно, ошибаясь. Так можно задавать уроки наборщикам. Ученики, которые изучают историю, запоминают не типографские знаки, а определенные сведения и запоминают по-разному в зависимости от того, как написана книга. Для того чтобы сделать историю народа достоянием народа, историк должен быть требовательным к себе, как к художнику. Поэтому в статье профессора А. Шестакова, напечатанной в «Литературной газете», нас больше всего огорчает фраза: «Мы не собираемся полемизировать с высокой литературно-критической оценкой, данной «Красной площадью» Валентином Катаевым в последнем номере «Литературной газеты» от 5 ноября».

Историк-профессору, создавшему массовую книгу, человеку, которому еще много придется работать над ней, конечно, очень интересно было бы проверить, как же пишет Всеволод Иванов, и можно ли у этого писателя чему-нибудь научиться. Дело в том, что ученикам не все равно, как написана книга. Я не буду подражать скромности профессора Шестакова. Когда я сам написал большую историческую очерк, то прежде всего обратился к профессору Шестакову. Профессор был занят, отправил меня к другому специалисту, который указал в моей работе много ошибок. Так должен был сделать Всеволод Иванов, так должны были сделать те редакторы, которые печатали его вещь.

Но мы от профессора Шестакова ждем оценки не учителя, правящего тетрадку красным карандашом, а ученого, который отчетливо покажет нам, что мы умеем и чего мы не умеем. Я бы мог удовлетвориться тем, что начал разбирать какую-нибудь фразу Шестакова и доказывать, что она трудно написана. Но точно так же, как я жду от Шестакова литературной оценки вещи Всеволода Иванова, так я рещусь на несколько исторических замечаний по поводу мест, подчеркнутых профессором в сочинении Иванова.

Профессор пишет: «О Степане Разине, казненном на Болотной площади, сообщается, что он был казнен на Красной площади». Странно, действительно, мнение, что Степан Разин казнен на Болотной площади. Но народная песня поет: Поймали добра молодца, Завязали руки сильные, Повезли в Москву престоловую И на главной Красной площади Отрубили буйную голову. Кустомаров, монография которого «Бунт Степана Разина» увлекался Максим Горький, пишет: «6 июня его вывели на лобное место вместе с братом. Множество народа стояло на кровавое зрелище. Прочитали длинный приговор, где изложены были все преступления обвиненных. Степка слушал спокойно, с гордым видом. По окончании чтения, начал выдвигать руку. Степка обратился к церкви Покрова Пресвятыи Богородицы».

Мнение, которое придерживается профессор А. Шестаков, не очевидно, его надо доказывать. Дальше, А. Шестаков, указав на действительную ошибку В. Иванова, принявшего название профессии за прозвище, пишет: «С Муромлями, вообще, Вс. Иванову не везет, и он заставляет Растрелли, который, как известно, строил только в Ленинграде, построить в Москве дворец Анне Иоанновне». Если в распоряжении профессора Шестакова нет новых документов, то обширное мнение состоит в следующем: что в Москве Варфоломеем Растрелли руководил построкой Аннеиоанновского и Лефортовского дворцов. Кроме того Растрелли строил в Троицко-Сергиевской пустыни Благовещенский собор в Киеве и «несколько других сооружений, как в обеих столицах, так и в провинциальных городах, где проекты Растрелли были в большинстве случаев приводимы в исполнение местными архитекторами». Указание профессора Шестакова, что Растрелли строил только в Петербурге, таким образом, спорно. Дальше Шестаков пишет: «Красная площадь» полна фантастических превращений — на одной площади 200 казавов, во время голодовки при Годунове погубит у него полмиллиона человек и т. д. Зачем-то выдумывается патриарх, не существовавший тогда... Кабаков как будто много, хотя числа я не проверял. Что касается количества мертвых, то есть сведения, что в одной Москве умерло 127 тысяч. А вот с патриархом понять трудно. Очевидно в тексте профессора Шестакова утверждается, что при Годунове в Москве не было патриарха. Патриаршество в России утверждено в 1589 году Ссылаюсь на книгу Филарета Гумилевского «История русской церкви», стр. 467. Учреждение патриаршества произошло не без трений, и патриарх Нерсисяс прислал особую грамоту об утверждении патриаршества в России за подписью своего и патриархов Иерусалимского и Антиохийского только 1590 г. Если профессор указывает на какой-нибудь перерыв в русском патриаршестве в эпоху Годунова, то фраза построена не точно. Все это не доказывает, что вещь Иванова свободна от всяких ошибок. Совершенно правильно, например, указание профессора Шестакова о неправильном употреблении Всеволодом Ивановым понятия «финя», о неточности в названиях Петербургских площадей и мн. др. Мы ждем от историка, чтобы он показал нам умение анализировать документ, умение находить материал, умение проверять показания. Чрезвычайно было бы важно собрать писателям с историками так, как недавно собрался историк на кинофабрике, разбирать сценарий Павленко и Эйзенштейна «Русь». Делались очень серьезные указания, указывали на ошибки очень существенные. Много из того, что говорили историк, было уже исправлено до них в сценарии, потому что это, с одной стороны, было исторически сомнительно, а с другой стороны, возбуждало и художественные сомнения, потому что искусство правдиво и важно обиху в нем все-таки чувствуешь. Между прочим, говорили и об искусстве. Об искусстве говорили историк, а кинематографисты говорили и об историк. Дело не в обиху, и у Всеволода Иванова столько написано хорошего, столько им самим уничтожено, что он в моей охране не нуждается, но в дискуссии, начатой профессором Шестаковым, неприятно одно — перегородка, устанавливаемая между наукой и искусством.

Сатирически сильно сделано в поэме сравнение немецких интервентов, бежавших из Пскова в XII веке, с их правнуками, пошедшими покидавшими этот же город в 1918 году под натиском революционных русских рабочих и крестьян.

Поэма проникнута благородным чувством советского патриотизма и гордостью за свой народ. Князь Невский защищает Русь от иноземцев, он побеждает, потому что за ним идет в эту битву народ. Он — вождь, один из тех талантливых организаторов, которых выдвигает масса, когда решается судьба родины. Героев К. Паустовского («Северные рассказы», Рассказ первый) начинаешь любить уже со второй страницы. Действие в рассказе происходит в 1926 г. его герои: офицеры-декабристы, солдат, забитый шпицрутенами, прекрасная девушка, спасающая декабриста от царской пети, наконец, добрые и свободололюбные моряки равных наций. Случайно ли это, не знаю, но одно из лиц, действующих в рассказе Паустовского, полковой адъютант Мерк, очень похож на Берга, второстепенного героя «Войны и мира». Можно сказать, что Паустовский ничего не отбросил у Берга, но лишь прибавил Берг — эгоист, педант, тупица, мелкий карьерист. Толстой с презрением и умишкой следит за ним. Мерк — тот же Берг, но у Паустовского он командует высшейшей и приказывает музыкантам играть на морозе по несколько часов, потому что любит музыку. И это совершенно естественно для Берга-Мерка, здесь нет натяжки. Это именно потому выражает «характер времени», что Мерк служит в полном полке с офицерами-декабристами. В конце книги напечатана статья Н. Бельчикова о Полежаеве. Это тоже взгляд назад. Образ неукротимого поэта, не сдавшегося до последнего вдоха царственному палачу, снова будит воспоминания о «делах праотцев наших». И даже стихотворение А. Суркова «Двадцатилетним» обращено в прошлое. Это прошлое крепко связано с нашим сегодняшним днем. Юноша видит сон, он видит во сне деда. Как надломленный подсолнух, Он стоял на полюсе. Прекрасно описано пробуждение юношеского сознания и то, что он видит, проснувшись. Ему приснились страшные годы, а проснувшись он в золотом веке. Двадцатилетним рассуждается о хлебе, бьет колотыми ключи, серый жаваоронок вытесил над поманьями думами, жуужат медные пчелы. — «Твой покос», — стучит кузнечик. — «Твой покос», — шуршит пшеница. — «Твой налив», — лепечут листья. — «Все твоё», — жуужит пчела. В поэзии этой — полновесная радость, зримое и осязаемое счастье жизни. Таким образом, содержание книги — единое. Несколько вещей нам не названо, они лежат вне темы. В целом же, январский номер «Знамени» радует читателя.

Пушкин написал «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». «Капитанская дочка» сыграла неизмеримо большую роль в распространении знаний об эпохе Пугачева, чем «История». Напомним, что советский роман об изгнании польских интервентов в XVII веке еще не написан. «Ледовое побоище» К. Симонова читается с интересом. Поэма несколько неровная и, между прочим, могла бы быть легко сокращена путем удаления слабых мест (хотя бы из валов четвертой главы). Сомнительны такие выражения: «Он ходит боярам прищепил», или «Тот им под вал колесной дель». Но больше удач. Превосходно написано о низкорослом и сильном князе Александре, что он Сидел, нахолившись, высоко В огромном боевом селде. Как маленький и сильный сокол, Сложивший крылья на скале. Хороши мужики в битве, когда В рубахах странных нательных, Тузупы на землю швырнув, Они бросались в бой смертельных, Широко ворот расстегнув.

В. ШКЛОВСКИЙ

Историк и художник

Один из наших историков, составитель учебника, объясня, как преподавать, говорил, что в младших классах на урок нельзя задавать более 20.000 знаков. Историк этот, впрочем, совершенно уважительно, ошибаясь. Так можно задавать уроки наборщикам. Ученики, которые изучают историю, запоминают не типографские знаки, а определенные сведения и запоминают по-разному в зависимости от того, как написана книга. Для того чтобы сделать историю народа достоянием народа, историк должен быть требовательным к себе, как к художнику. Поэтому в статье профессора А. Шестакова, напечатанной в «Литературной газете», нас больше всего огорчает фраза: «Мы не собираемся полемизировать с высокой литературно-критической оценкой, данной «Красной площадью» Валентином Катаевым в последнем номере «Литературной газеты» от 5 ноября».

Историк-профессору, создавшему массовую книгу, человеку, которому еще много придется работать над ней, конечно, очень интересно было бы проверить, как же пишет Всеволод Иванов, и можно ли у этого писателя чему-нибудь научиться. Дело в том, что ученикам не все равно, как написана книга. Я не буду подражать скромности профессора Шестакова. Когда я сам написал большую историческую очерк, то прежде всего обратился к профессору Шестакову. Профессор был занят, отправил меня к другому специалисту, который указал в моей работе много ошибок. Так должен был сделать Всеволод Иванов, так должны были сделать те редакторы, которые печатали его вещь.

Но мы от профессора Шестакова ждем оценки не учителя, правящего тетрадку красным карандашом, а ученого, который отчетливо покажет нам, что мы умеем и чего мы не умеем. Я бы мог удовлетвориться тем, что начал разбирать какую-нибудь фразу Шестакова и доказывать, что она трудно написана. Но точно так же, как я жду от Шестакова литературной оценки вещи Всеволода Иванова, так я рещусь на несколько исторических замечаний по поводу мест, подчеркнутых профессором в сочинении Иванова.

Профессор пишет: «О Степане Разине, казненном на Болотной площади, сообщается, что он был казнен на Красной площади». Странно, действительно, мнение, что Степан Разин казнен на Болотной площади. Но народная песня поет: Поймали добра молодца, Завязали руки сильные, Повезли в Москву престоловую И на главной Красной площади Отрубили буйную голову. Кустомаров, монография которого «Бунт Степана Разина» увлекался Максим Горький, пишет: «6 июня его вывели на лобное место вместе с братом. Множество народа стояло на кровавое зрелище. Прочитали длинный приговор, где изложены были все преступления обвиненных. Степка слушал спокойно, с гордым видом. По окончании чтения, начал выдвигать руку. Степка обратился к церкви Покрова Пресвятыи Богородицы».

Мнение, которое придерживается профессор А. Шестаков, не очевидно, его надо доказывать. Дальше, А. Шестаков, указав на действительную ошибку В. Иванова, принявшего название профессии за прозвище, пишет: «С Муромлями, вообще, Вс. Иванову не везет, и он заставляет Растрелли, который, как известно, строил только в Ленинграде, построить в Москве дворец Анне Иоанновне». Если в распоряжении профессора Шестакова нет новых документов, то обширное мнение состоит в следующем: что в Москве Варфоломеем Растрелли руководил построкой Аннеиоанновского и Лефортовского дворцов. Кроме того Растрелли строил в Троицко-Сергиевской пустыни Благовещенский собор в Киеве и «несколько других сооружений, как в обеих столицах, так и в провинциальных городах, где проекты Растрелли были в большинстве случаев приводимы в исполнение местными архитекторами». Указание профессора Шестакова, что Растрелли строил только в Петербурге, таким образом, спорно. Дальше Шестаков пишет: «Красная площадь» полна фантастических превращений — на одной площади 200 казавов, во время голодовки при Годунове погубит у него полмиллиона человек и т. д. Зачем-то выдумывается патриарх, не существовавший тогда... Кабаков как будто много, хотя числа я не проверял. Что касается количества мертвых, то есть сведения, что в одной Москве умерло 127 тысяч. А вот с патриархом понять трудно. Очевидно в тексте профессора Шестакова утверждается, что при Годунове в Москве не было патриарха. Патриаршество в России утверждено в 1589 году Ссылаюсь на книгу Филарета Гумилевского «История русской церкви», стр. 467. Учреждение патриаршества произошло не без трений, и патриарх Нерсисяс прислал особую грамоту об утверждении патриаршества в России за подписью своего и патриархов Иерусалимского и Антиохийского только 1590 г. Если профессор указывает на какой-нибудь перерыв в русском патриаршестве в эпоху Годунова, то фраза построена не точно. Все это не доказывает, что вещь Иванова свободна от всяких ошибок. Совершенно правильно, например, указание профессора Шестакова о неправильном употреблении Всеволодом Ивановым понятия «финя», о неточности в названиях Петербургских площадей и мн. др. Мы ждем от историка, чтобы он показал нам умение анализировать документ, умение находить материал, умение проверять показания. Чрезвычайно было бы важно собрать писателям с историками так, как недавно собрался историк на кинофабрике, разбирать сценарий Павленко и Эйзенштейна «Русь». Делались очень серьезные указания, указывали на ошибки очень существенные. Много из того, что говорили историк, было уже исправлено до них в сценарии, потому что это, с одной стороны, было исторически сомнительно, а с другой стороны, возбуждало и художественные сомнения, потому что искусство правдиво и важно обиху в нем все-таки чувствуешь. Между прочим, говорили и об искусстве. Об искусстве говорили историк, а кинематографисты говорили и об историк. Дело не в обиху, и у Всеволода Иванова столько написано хорошего, столько им самим уничтожено, что он в моей охране не нуждается, но в дискуссии, начатой профессором Шестаковым, неприятно одно — перегородка, устанавливаемая между наукой и искусством.

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Эрнест Хемингуэй

Весной 1937 г. Хемингуэй оставил Кей Уэст во Флориде, оставил свой дом, жену, детей, друзей и почти законченный роман и уехал в Испанию...

В Париже он встретил Джорджа Ивенса — голландца, известного своими документальными фильмами и своими левыми взглядами...

Вернувшись в Америку в июне 1937 г., Хемингуэй, который никогда в жизни не pronunciал речи, Хемингуэй, который оставал свое право быть оптимистом и стоять в стороне от всякого рода организационных дел...

Как только Хемингуэй понял природу фашизма, он захотел обрушиться на него со всей силой. Он отдал этому делу свою известность, свои силы и большие денежные суммы...

Но понадобилась борьба в Испании, чтобы полностью его пробудить. Хемингуэй типичен для многих благонамеренных американских демократов...

Наша писательница двух последних десятилетий выражена были духом отрицания. Как это случилось? Писатели, пережившие мировую войну, стали с недоверием и пренебрежением относиться к демократии...

От наших корреспондентов

чешских правительств при заключении Версальского мира. Многие утратили свою веру в демократические догматы...

Это верно по отношению ко всем американским писателям, кроме молодой их группы, находившейся под влиянием таких журналов, как «Либриертор», «Масе», «Нью-Масе», «Совет Раше Тудей»...

И действительно, есть кое-какие основания к тому, чтобы удивляться. Много торреадоров, друзей Хемингуэй, сражаются в Испании; вернулись они оттуда с замечательным фильмом «Испанская земля»...

Мы видим теперь, что это предположение было совершенно неверно. Вместе с американцем торреадором Сиднеем Франклином Хемингуэй отплыл туда, где протекала его романтическая жизнь...

Каковы были особенности Хемингуэй? Каковы были его живейшие симпатии и антипатии до гражданской войны в Испании? Советские читатели знают многие из этих особенностей по его книгам...

Американская жизнь последние два столетия вырастила тип, который можно назвать анархистским, хотя он не отрицает никаких политических принципов...

Увлечение Хемингуэй насильем, его преклонение перед сильными людьми, героями, преобладающими слабейших, его отвращение к авторитаризму...

Увлечение Хемингуэй насильем, его преклонение перед сильными людьми, героями, преобладающими слабейших, его отвращение к авторитаризму, его влечение к ярким характеристам, его желание занимать теориями — политическими, социальными...

и экономическими вопросам, его склонность влюбляться «серьезных мыслителей», реформаторов, приверженцев той или иной системы мышления...

В той же книге герой Хемингуэй выражает желание отказаться от наследия демократического протестантизма и вернуться к католической церкви. Это напоминание американским читателям реакционных взглядов, выраженных в романе Т. С. Уэллсом...

Каковы были противоположные влияния? Во-первых, это детство Хемингуэй. Он вырос в Чикаго и Минчигане, сердце среднего Запада...

Потом Хемингуэй отправился на войну. Сначала он в гостинице, затем — солдат на итальянском фронте, — его ранят, разбитая колесная запряжка заменена семерной пластинкой. Кроме двух орудий он вынес с войны материал для трех-четырех книг...

Это стало ясно потому, что Хемингуэй пишет, никогда не забывая о массе читателей. Его мастерство, его отточенная, действительная объективная проза предназначена для широкой аудитории...

Какое впечатление произвела на Хемингуэй эта война? Он никогда не поддается ни прихотям, ни капризам. В своей речи к писателям в июне 1937 г. он не раз повторял, что хороший писатель должен писать «справа»...

Правда, по его мнению, это вовсе не метафизическое учение, не выдумка и не мечта. Правда — это полные чувства и подлинные условия жизни людей.

ЖЕНЕВЬЕВА ТАГГАРД Нью-Йорк, 26 января 1938 г.

ТЕАТР — МУЗЫКА

О «РЕВИЗОРЕ» В МАЛОМ ТЕАТРЕ

Трудность «Ревизора» заключается в том, что Хлестаков написан в гораздо более интенсивных красках, чем другие персонажи комедии. Хлестаков — фантастичен. Хлестаков — фигура «другого жанра»...

Не получился в спектакле Малого театра и городничий. Видно, что Яковлев потратил много сил на создание этого образа, но не удалось преодолеть штампов...

Концертный зал Центрального Дома Красной Армии пуст, поэтому особенно громко звучит в нем веселый плясовый мотив и гудко радуются четкие удары ног, отбивающих мерный ритм танца.

Хор краснознаменного ансамбля звучит в Петербурге неважно. Большинство наших любителей музыки и газетных писков не признает во мне вдохновения. И в другом письме к Н. В. Кузьминской, 4 февраля 1863 г.: «Ты спрашиваешь, как идет моя музыка? Да как ей идти? Проходит тесен».

Народный артист СССР М. Киплюк в роли Земляники Рис. А. Костомоловского

Плохи почтмейстер — Ковров, судья — Ржанов, Мария Антоновна — Фадеева. Поставлен спектакль, что называется, «чистенько», с пейзажем за окном, солидным, стильной мебелью, половиками, топчущими «Держимордами» и немой сценой...

Валентин Катаев

Новая программа Краснознаменного ансамбля

Раздается лихой свист, звучит боевой припев удаой казачьей песни. Мелодия повторяется снова. Гремят бубен. Слышится гармоника. Вступает оркестр.

Новая программа краснознаменного ансамбля, которую он готовит к 20-й годовщине РККА, включает также Варламовские песни «Оседлать коня», «Ожидание», «Что мне жить и тужить» (в переложении проф. А. В. Александрова для солистов с хором), хор повеселых матросов из «Летучего голландца» — Вагнера, «Матросскую песню» — Чайковского и другие вещи.

Взвлекательный и строгий художник — проф. А. В. Александров много и тщательно работает с хором, добиваясь отчетливого, насыщенного звучания.

А. С. Даргомыжский

К 125-летию со дня рождения

Александр Сергеевич Даргомыжский — один из корифеев русской музыкальной классики, подобно многим замечательным художникам прошлого, далеко не сразу получил правильную оценку и должное признание своей творческой деятельности.

Тогдашние театральные заправщики, во главе с небезызвестным, старшим себе славу гонителя национального искусства, директором императорских театров Геденовым, буквально третировали композитора, издевались над ним. Восемь томительных лет, в самые кипучие годы жизни, пришлось ждать Даргомыжскому постановки своей оперы «Смеральда» (по роману В. Гюго «Соброр Парижской богатыри»).

Еще более печальная участь постигла его вторую оперу «Торжество Ваха» (на текст Пушкина). Написанная в 1848 году, она увидела свет рампы лишь в 1867 году!

Восхитительней воспринимать постановку оперы («Русалка» была поставлена благодаря настояниям артистки Булаховой, использовавшей предоставленное ей право свободного выбора пьесы для своего бенефиса), Геденов сделал все от него зависящее, чтобы провалить спектакль.

Жалкие, пошленные декорации и костюмы, заимствованные из драматической пьесы «Русская свадьба», какие-то неуклюжие сползающие чулки вместо грациозно плавающих русалок, равно как и дикие, произвольные сокращения, обесмысливающие ход действия, — все это никак не способствовало успеху новой оперы.

Еще болезненнее должен был ощущать Даргомыжский отсутствие внимания к себе со стороны современных ему русских музыкантов. Все взоры были тогда устремлены к Глинке. В Даргомыжском видели лишь подражателя гениального основоположника русской музыки.

Это наложило свое выражение прежде всего в многообразии жанров его творчества. У Даргомыжского впервые в русской музыке зазвучали ноты едкой сатиры и обличения уродства крепостного строя.

В чем же заключались эти принципы? Ответ на этот вопрос дает сам композитор. В письме к Кармалиной Даргомыжский излагал свое художественное credo: «Хочу, чтобы звук выражал слово. Хочу правды».

В этих кратких, предельно ясных словах, Даргомыжский сформулировал не только свою приверженность к музыкально-художественному реализму, но и свое понимание этого реализма.

Весь этот новый «музыкальный словарь» Даргомыжского, по-настоящему, не определяет всего глубокого значения его реалистического искусства.

Требование музыкальной правды в устах Даргомыжского, как впоследствии и у Мусоргского, означало прежде всего требование правдивого и более разностороннего изображения русской народной жизни.

Именно в том суть вопроса. Великий Глинка в своей опере «Иван Сусанин» дал первый замечательный образец русской народной музыкальной драмы, первую грандиозную героическую народную эпопею.

Это наложило свое выражение прежде всего в многообразии жанров его творчества. У Даргомыжского впервые в русской музыке зазвучали ноты едкой сатиры и обличения уродства крепостного строя.

Вспомним его потрясающие по правдивости звучания, песни: «Червяк», «Титулярный советник», «Старый капрал».

Утверждая новую социальную тематику, Даргомыжский окончательно порывает с эстетикой дворцового музыкального искусства и обнимается с идеей-художественной.

Утверждая новую социальную тематику, Даргомыжский окончательно порывает с эстетикой дворцового музыкального искусства и обнимается с идеей-художественной.

ПРЕМЬЕРА ПЬЕСЫ «КОЧУБЕЙ» В МОСКОВСКОМ КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ

Фронтонная полоса. Расположение конной бригады Ивана Кочубея. Весело, будто, молодое! С уханием и пошеством пляшут казаки. Вдруг, один за другим — отдаленные выстрелы. Разом все останавливается. Слышен вихрь приближающейся тоют коней, цоканье копыт...

«Кто это? Откуда? Показались Петр Журба. — Товарищи, мы целым отрядом от кадетов вырвались. Служил по станции, по товарищу Сталин кинул слово о подмоге Цариченку. Окружили Цариченку белые генералы. Ну, одним нам не прорваться, вот и пришли до вас, чтобы вместе двинуться...»

«Казаки, — обращается к кочубеевцам рабочий, — на Цариченку напали белые генералы. Окружают. Возмут Цариченку, останемся мы без снарядов, патронов, без помощи. Отрежут от центра войска Северного Кавказа и вырежут все станции... Возмут Курсовку — небольшая беда, а заберут Цариченку — город, пропали и мы, и хаты наши, и моря Каспийское и Черное, и Кавказ и Волга...»

Так начинается пьеса «Кочубей» А. Первенцева и Н. Охлопкова, написанная ими по одноименному роману А. Первенцева. На днях в Московском Камерном театре будет показана премьера пьесы «Кочубей» в постановке Н. П. Охлопкова, в оформлении художника Б. Г. Кнопкоб. Музыка написана композитором А. А. Голубенцевым.

ОБНОВЛЕННАЯ «СИЛЬВА»

Хорошая музыка и верно подлинного драматизма, которое несомненно было в известной оперетте Кальмана, вызвали у Ник. Адуева желание «судочерить и переосмыслить» вместо старого, плохого и пошлого перевода немецкого подлинника написать новый текст на музыку Кальмана.

Старые персонажи популярной калмановской оперетты значительно обогатились, омолодены. Н. Адуевым характерности действующих лиц сделаны более яркими, живыми. Вся комедия построена в хорошем бытовом реалистическом плане.

В ТЕАТРЕ ИМ. ЕРМОЛОВОЙ

Театр имени Ермоловой принял к постановке новую пьесу ленинградского драматурга Л. П. Карасева — «Маяк Грозный», на тему о большевистской бдительности и о борьбе с диверсантами.

Репертуар спектакля — заслуженная артистка республики РСФСР Е. С. Телешева и А. П. Шатилов. Художник — М. С. Варпех.

Пьеса уже репетируется. Параллельно идет работа над пьесой А. Н. Островского «Бедная невеста». Старт пьесе Е. С. Телешева и Г. А. Герасимов.

Венной средой «Современника», «Искры» и всей различно-демократической поэзии 60-х годов.

Не случайно поэтому, первый крупный успех Даргомыжского приходится именно на 60-е годы. «Русалка», возобновленная на театре в 1865 году, имела беспрецедентный по тому времени общественный резонанс. Из достоверных источников мы знаем, что «высшее» петербургское общество даже не удостоило своим посещением русскую оперу. «Русалка» давалась все в том же нелепом, унылом сценическом оформлении («для глаз вид гнусный» — писал Даргомыжский). Успех оперы пришел из другого мира. Его создала новая, разносторонняя интеллигенция, широко посещавшая в эти годы столичные театры.

«Неожиданный» успех «Русалки» вызвал новый прилив творческой энергии у композитора, и он вновь обратился к созданию большого драматического произведения для оперной сцены. И опять выбор падает на Пушкина («Каменный гость»).

Пушкин! К нему Даргомыжский обращается в наиболее важные моменты своей творческой биографии.

Это глубокое влечение к Пушкину, прошедшее через всю русскую музыку, начиная от Глинки и с неослабевающей силой продолжающееся и в наши дни, у Даргомыжского имело свои особые веские основания. Поиски правдивости и драматизма в музыкально-интонационном раскрытии поэтического слова и пронизывавшие отсюда высокие требования к поэтическому тексту должны были, естественно, привести Даргомыжского к пушкинской поэзии и драматургии.

В живом движении пушкинского стиха, в богатейших интонационных изгибах его поэтической речи, в простых, бескускусственных диалогах героев пушкинской драматургии Даргомыжский находил неиссякаемый источник вдохновения.

Знаменитый русский актер А. П. Ленский писал в одной из своих статей, что «многие места в «Русалке» нельзя без ущерба смыслу привести в чтение. Иными словами, чем написана к ним музыка». Эти слова, высказанные столь большим авторитетом, еще в большей степени могут быть отнесены к опере «Каменный гость».

Как это ни странно, «Каменный гость» — это классическое произведение русской музыкальной драматургии, позволившее в свое время Мусоргскому назвать его автора «великим учителем музыкальной правды», — до сих пор упорно игнорируется.

С замечательным искусством исполненный в концертных постановках Радлополемита в 1896—1897 гг., «Каменный гость» опять почему-то исчез из репертуара. Будем надеяться, что предстоящая декада русской классической музыки и 125-летняя юбилейная дата со дня рождения автора «Русалки» и «Каменного гостя» вернет его замечательное произведение к жизни.

ШЛИШТЕН

Рождение песни в Китае

Национально-освободительная война в Китае создает массовое народное искусство — патристическую песню.

Песенное искусство в Китае раньше было развито очень слабо. Доведенное до предельной виртуозности пение в театре классической драмы, наряду с танцами, составляет скорее оперное искусство, чем песенное. Исполнение арий на классическом театре, как правило, непонятно широкой массе народа.

Китайские композиторы западноевропейской школы создали много песен романтического, любовного жанра. Молные романсы, идущие по следам европейских музыкальных и джаз-банд, народом не воспринимались. Это лица городской буржуазии, приморской полиции Китая (Шанхай, Тяньцзинь, Гонконг, Кантон). И тот и другой жанр китайской песни исключительно солонное пение и по преимуществу женщины (синг-сонг-гев); хоровая, массовая песня в Китае появилась только за последние годы вместе с ростом антияпонского национально-освободительного движения.

В 1934 г. молодой китайский композитор, самоучка, любитель музыки Нье-Эр написал песню для широко известной кинокартины «Да-лу» («Большая дорога»). В основу песни была положена мелодия китайских груччинок-кули, широко распространенная по всем частям громадной страны.

Энтузиаст новой массовой песни студент Лю Лян-мо в 1936 г. в вечерней школе молодежи в Шанхае организует первый хор. Затем хоры возникают среди студентов в Вэйяние и в других местах.

9 декабря 1935 г. в Вэйяние состоялось мощная антияпонская студенческая демонстрация. Новая, патристическая, национальная песня впервые зазвучала на улицах старинного города. Это была первая демонстрация в Китае, когда все пели. Полиция разогнала студентов, а они пели. Даже в полицейских участках арестованные студенты продолжали петь. С этого момента движение национального спасения и массовая песня соединились.

При режиме гонения на антияпонское национальное движение китайская патристическая песня сыграла большую роль. В Шанхае появилось несколько хоров. Песни под руководством Лю Лян-мо в эти годы участвовали во всех демонстрациях.

В начале 1938 г. в Шанхае на общественном собрании Наньтао устраивается массовый митинг национальной антияпонской песни; выступает хор в восьмисот человек. Мы будем защищать себя, себя спасем мы сами. На фронт! плечо к плечу. Брать прощание с нашей землей. Сегодня мы утратим свои союзовые страны Мы будем завтра...

Лю Лян-мо — руководитель многочисленных хоров

У ворот школы появляются ряды полиции. У полицейских приказ разогнать концерт. Пока разогнаны скандаль, худощавый Лю Лян-мо заставляя все четыре тысячи петь!

Последняя победа будет наша. Рабочие, крестьяне, торговцы, Студенты и солдаты.

Программа концерта закончена. Публика выстраивается и демонстрация растягивается по узкой улице. Все протит: Вставайте, Все, кто не хочет быть рабом!

Восвоянная полиция пытается арестовать Лю Лян-мо. Народ окружил его стеной и непустил полицейских к своему маленькому дирижеру. Об этом «инциденте» писали все газеты. Во многих городах возникли новые хоры патристической песни.

Ноябрь 1936 г. Суйюаньская война. Китайские солдаты оказывают решительное сопротивление японско-маньчжурским войскам. Лю Лян-мо отправляется в Гуйсюй в провинциальный город Суйюаня.

— Вначале, — рассказывает Лю Лян-мо о своей повелде, — учил петь сестер милосердия и раненых. Потом офицеров и все войска генерала Фу Цзо-и. К моему удивлению, успехи были громадные. Неожиданно солдаты пели, как лучшие певцы. Сейчас Суйюань захвачен японцами, но все, кто ни приезжает оттуда, рассказывают, на улицах, в деревнях, в поездах поют новые патристические песни.

За два года национальная патристическая песня в Китае стала массовым явлением. Говение против антияпонского движения до войны сделало патристическую песню оружием борьбы. За последние полгода мне пришлось побывать в Шанхае, Ханьчжоу, Наньтае, Уху и Ханькоу, везде я неизменно слышал «Марш волонтеров», «Спасем Китай», «Мадрид».

Но еще быстрее патристические песни распространяются сейчас, во время национальной войны против японского порабощения.

Лю Лян-мо перед отъездом зашел ко мне вечером, полный всяких планов. Мы много говорили о рождении песни в Китае. «Сейчас наши песни будут поднимать народ еще больше. Мне кажется, что так петь французам свое «Марсельезу» во время Французской революции, так пели коммунары Парижской Коммуны, так, наверное, пели ваши красногвардейцы!».

Какие же песни поются в Китае? Их сотни. Национальная, патристическая песня, прежде всего проста, доступна всем. Ее сила в содержании. Многие китайские музыканты не признают новые песни за искусство. Их навальды построены главным образом на том, что патристическая песня — это музыкальный примитив. Но эти песни признают массы. Они поются повсюду.

Самая распространенная песня — это «Марш волонтеров», слова поэта Тянь-Хань, музыка молодого композитора Нье-Эр (умер в 1936 г.). Эта короткая песня скорее призывной марш. Она поется солдатами, студентами, рабочими, детьми. Ее слова — горячая агитация.

Вставайте! Все, кто не хочет быть рабом. Нашей кровью Будет создан новый Китай.

Вы же принадлежите две другие широко известные песни — «Большая дорога» и «Авангард».

Чрезвычайно популярны песни другого молодого композитора Люй-цзя «Мадрид» и любимая песня студентов «Песнь свободы». Сейчас Люй-цзя, несмотря на слабовидорные (туберкулез), работает в северном Шаньси, обучает песням бойцов 8-й народно-революционной армии.

Большой известностью пользуются песни двух композиторов Жань Гуань и Ань-Эр (муж и жена) «Песнь рыбака» (из кинокартин того же названия) и «Борьба за возвращение домой».

Совсем недавно в северной Шаньси уехал молодой композитор-кантонец Си Синь-тай, автор распространенного марша армии национального спасения «Горчичная кровь».

Совершенно простые, короткие, легкие для пения любимые песни крестьян и детей «Песня Китая», «На борьбу с Японией» написаны Лю Лян-мо.

Много поют наши советские песни: «Родина» и марш «Веселые ребята». Перевод лучших «Родина» на китайский язык сделал лучшим переводчиком советских стихов китайским поэтом Сы-кэ. Три месяца назад мне пришлось слышать, как китайские солдаты на шанхайском фронте в окопах около «Ващичжоу» (мост восьми вероломцев) пели «Широка страна моя родная».

ВЛ. РГОВ Ханью. 20 декабря 1937 г.

Литературные пародии

НАКАНУНЕ XX ГОДОВЩИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ и ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Н. Заболотский

Во саду ли, в огороде

Гулит на пестиках торжественные пчелы, изыскан прочь медлительные смолы, спадая ниц на травяной покров. Колокола под выюм коров звучат, как благовест молочного зобитца. Рота устает в мир, ползет в века улитка, вращая вокруг себя волшебные аркачки. Стоят окрест могучие цветы, пыльной легко внедряясь в обонянье. Облетят деревья большой луны блистанье. И вот торжественный открылся огород. О плодоволюбив, известных нам пород! О моркови язык! О бледный цвет картошки!

Ал. Флит

Очень плохо

Вы купили свежий номер журнала «Новости искусства». Это последний номер. Только что из машин. Как говорится, пахнет типографской краской. Велкий осмотр: издательство «Искусство», орган Всесоюзного комитета по делам искусств. Очень хорошо.

Первое недоумение: на обложке стоит номер журнала № 1, между тем как пора уже выпустить третий (выходит два раза в месяц).

Второе. Черным петитом по белому напечатано, что журнал «сдан в производство 15 декабря 1937 г.», а в другом месте читаем: «18 января исполнимость» 75 лет К. С. Станиславскому. Когда же исполнимость, — в январе 1937 г., что ли? Значит, не был сдан в производство в декабре и не был подписан 5 января к печати журнал «Новости искусства» № 1. Переделайте!

Удивительно ли, что в журнале таком новостей никаких нет, все устарело. Есть «новости» декабрьские, кое-что из событий январских... Нужно ли говорить о том, что каждый день в советском искусстве происходит новое. А журнал этого не отражает. Он живет вчерашним днем, плохо переживает газетный материал. Этот журнал по праву может называться «Устаревшие новости искусства».

В оформлении журнала допущена пошлость. Первый разворот сделан более чем безвкусно. Работники журнала обнаружены, по крайней мере, политическое недомыслие.

Кто же «подписывал к печати» и «сдавал в производство»? Читаем: Ответственный редактор Я. И. Боярский. Очень плохо.

СКАЗКИ ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ

Ростовское государственное издательство выпустило в свет сборник сказок донских калмыков.

Много лет тому назад в приволжских и ирландских степях появились калмыки-бродяги, пришельцы из далекой страны Джунгария — западной части Монголии. Они принесли с собой много чудесных, увлекательных сказок, замечательных легенд и песен, сохранившихся в народном устном творчестве до наших дней.

В сборник включены переведенные на русский язык 15 таких сказок. Сборник издан тиражом в 15 тысяч экземпляров. Цена 3 рубля.

Л. БОРОВОЙ

ДУБЛИНЦЫ

Спокойная, изящно изданная книжка «Дублинцы» — пятнадцать новелл Джамса Джойса. Ничто, так сказать, не предвещает ровного конца. Если б мы не знали с давних пор о кружной и запутанной «проблеме Джойса», о сложной жизни, которую он вел в этом городе на Западе, если б он был не крайней мере классиком, а не жил в Париже одновременно с нами в эти февральские дни 1938 г., — можно было бы комично эту книжку прочесть и добрым словом. Можно было бы сказать, что эта книга — подарок читателю.

Это, конечно, очень своеобразный подарок. Вся книга полна специально пружинящих для читателя неприятностей. Все рассказы тревожны и недобры. Джойс рассказывает медленно, иногда поспешно рассказывает, но не знает, зачем он рассказывает. Иногда он рассказывает, но не знает, зачем он рассказывает. Иногда он рассказывает, но не знает, зачем он рассказывает.

ПИСАТЕЛИ В ГОСТЯХ У КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В теплой и дружеской атмосфере прошла встреча бойцов командиров и политработников Н-ской части с Николаем Тихоновым. Писатель рассказывал о своей творческой работе, прочел несколько стихотворений и отрывок из киноповести «Друзья».

В Н-скую воинскую часть 10 февраля приехали Л. Рахманов, А. Гитович, В. Лихарев, П. Лукницкий, Г. Мирошников и Г. Гор. Писатели осмотрели обшестия красноармейцев, классы; гостям была продемонстрирована боевая подготовка красноармейцев. С большим успехом прошел литературный вечер, на котором поэты и прозаики выступили с чтением своих произведений.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Вышел из печати сборник «Стихи и песни о Красной Армии», изданный Лениниздатов в 20-летие Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. В сборник вошли 120 произведений 60 советских поэтов. В книгу включены также русские, украинские и белорусские народные песни о Красной Армии. Сборник составлен А. Островским. Тираж 10.000 экз. Цена в переплете 3 р. 75 к.

В одном из военных училищ к 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота выпускается литературный альманах, куда войдут произведения, написанные курсантами-литераторами.

Ленинградский союз композиторов проводит в феврале творческие отчеты, посвященные 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. Вечера композиторов Чинко, Юлина, Томилына, Ходжа-Эвнатова состоятся в воинских частях, красноармейских клубах. В военно-морском училище выступят композиторы Державинский и Соловьев-Седой, в Кронштадте — заслуженный деятель искусств орденосиодец Дунаевский.

Композитор М. Юдин написал кантату о Красной Армии. Кантата написана для оркестра хора, солистов и танцов. Текст кантаты В. Рязаной на поэтических произведениях о Красной Армии и Военно-Морского Флота. Заключается кантата песней о Сталине. Новое произведение М. Юдина впервые будет исполнено на юбилейном концерте в Филармонии.

ВЕЧЕРА КРАСНОАРМЕЙСКОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Минский дом РККА имени Ворошилова объявил конкурс на лучшее творческое произведение о Красной Армии. Темы: Красная Армия в годы гражданской войны, героика Красной Армии, Красная Армия в годы мирного строительства. Каждый участник конкурса должен прочесть одно стихотворение и одно произведение в прозе.

В конкурсе будут участвовать бойцы, командиры, члены семей начальствующего состава. Участники конкурса выбрали для исполнения стихи Джамбула о товарище Сталине, о товарище Ежове, о Сталинской Конституции; Н. Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей»; М. Шолохова — отрывки из 2-й книги «Тихого Дона», стихи В. Маяковского, Э. Вагритского, В. Гусева; «Белеет парус одинокий» и «Д. сын трудового народа» В. Катаева, «Сильнее смерти» В. Ставского и другие.

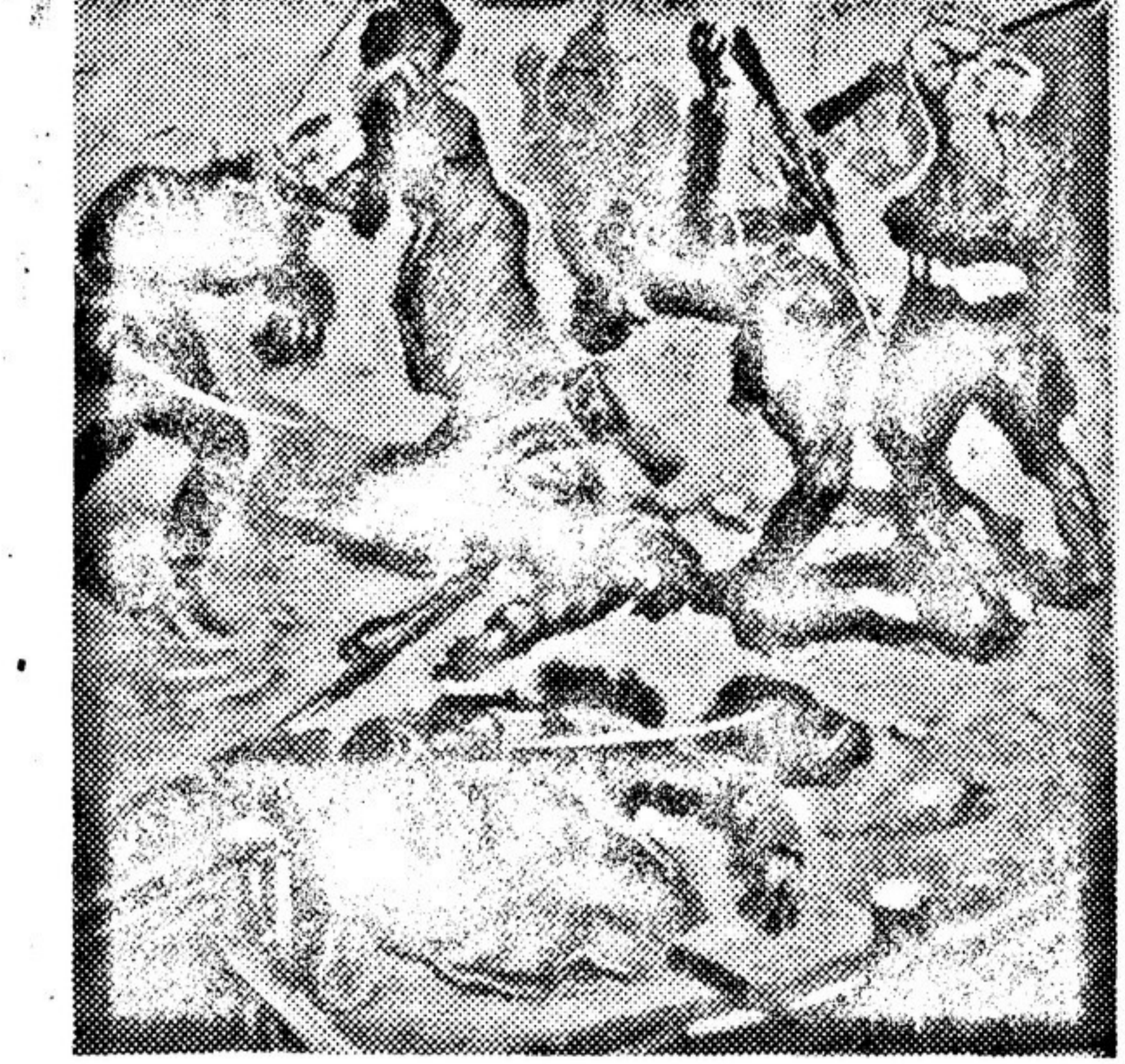
В жюри конкурса вошли лучшие актеры белорусских театров и представители Дома народного творчества.

Конкурсное соревнование состоится в предпродвижные дни. Для лучших чтцов выделено 12 премий.

Объявлен конкурс на лучшее исполнение строевой песни и на лучшую организацию красноармейской самодеятельности во время похода, на привале, в общежитии. На итоговом вечере (17 — 18 февраля) каждое соединение должно будет выставить своих исполнителей. Установлено 6 премий.

Ансамбль белорусской музыки, песни и пляски Минского военного училища ко дню Красной Армии готовит монтаж колонных песен о товарище Сталине, о Красной Армии, о счастливой колхозной жизни.

Оркестр гармонистов в составе 100 красноармейцев и курсантов готовят цикл боевых маршей и героических песен о Красной Армии.

Фрагмент панорамы «Штурм Перекопа» «Схватка ударной огневой бригады с дроздовцами» работа художника В. Ефанова

Фрагмент диорамы «1-я конная в тылу Врангеля» «Захват обоза в селе Отрада» работа художника П. Соколова-Сналя

Краснофлотские стихи

Догорает луч заката. Темнеет залит. Ярче вырисовываются силуэты стоящих на рейде кораблей. Вдали мелькают огни Кронштадта. В такие вечера мы часто собирались на башке линкора и читали краснофлотские стихи. Основная тема этих стихов — любовь к родине, укрепление обороны, верность красной присяге, готовность до последней капли крови защищать границы Советской страны.

В тумал, непогоду, ненастье Корабль ведет штурмана. Неподом стальной частью Зовут нас и флот и страна. А линкор... Линкор идет. Солевой пылью Волна залива бьет на бак. Линкор идет, как будто крылья Несут его. И реет флаг... Пусть видят враг стальную силу, Линкоров мощных гордый вид. Пусть знает, что страны любимой Он никогда не покинет, — Пишет краснофлотец В. Зелько.

НИК. ФЛЕРОВ.

В Центральном доме Красной Армии

С 16 февраля открывается новая экспозиция Музея Центрального Дома Красной Армии; она будет освещать историю доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии за период ее существования с 1921 г. до наших дней.

Организуется юбилейная выставка картин красноармейцев-художников. Талантливые живописцы, рисовальщики и скульпторы — бойцы на различных военных округах — присылают на эту выставку свои произведения.

Готовятся также выставки плакатов на тему «Красная Армия и гражданская война».

В Центральном доме Красной Армии организуются юбилейные лекции, концерты. 19 февраля состоится большой литературно-художественный вечер, на котором поэты прочтут стихи на оборонные темы. Артисты Государственного ордена Ленина Академического Малого театра исполнят сцену из пьес «Бойцы» (В. Ромашова) и «Любовь Яровая» (К. Тренева).

24 февраля в Краснознаменном зале состоится торжественный вечер, организуемый ЦДКА, Академией наук СССР и правлением Союза советских писателей. В программе вечера — доклады на тему «Наука и Красная Армия», выступления писателей и показ красноармейской художественной самодеятельности.

К вечеру готовится выставка оборонной литературы.

Новая опера «Перекоп»

КИЕВ. (От нашего корреспондента). Украинские композиторы тт. Мейтис, Тид и Рыбальченко заканчивают работу над четырехактной оперой «Перекоп», посвященной XX годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. Либретто написали украинские поэты тт. Бичко и Шелюнский.

На секретариате Союза советских композиторов были заслушаны два акта этой оперы. Все выступившие товарищи дали высокую оценку работе композиторов. Авторы широко использовали народные песни и песни Красной Армии, которые пелись во время гражданской войны.

Положительную оценку опере «Перекоп» дали и художественное руководство Государственного Академического ордена Ленина театра оперы и балета УССР. Опера включена театром в репертуарный план 1938—39 года.

Драматурги у командиров Красной Армии

Завтра, 16 февраля, секция драматургов Союза советских писателей устраивает в клубе Наркомата обороны творческую встречу писателей-драматургов с командными и начальствующим составом Наркомата обороны. Этот вечер посвящен 20-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота.

После вступительного слова В. Вишневского с чтением своих произведений выступят: А. Арог, Н. Адуев, В. Вишневский, Я. Галицкий, В. Катаев, В. Лебедев-Кумач, В. Ленин, И. Прут, Е. Пермяк, В. Ромашов.

Юношество — О КРАСНОЙ АРМИИ

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выпускает к XX годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота несколько книжек для юношества. В серии «Вечер в пионерском отряде» (В помощь пионервожатому) вышли три книжки, тиражом по 50 тыс. экз. «На страже советских границ», «На благо родины» и «Советские пограничники». Первый сборник содержит очерки М. Словинского и Г. Рыжкова; второй — статьи наших летчиков — В. Коккинаки и А. Бряндинского — «Скоростной треугольник», М. Алексеева — «Мой полет». Третья книжка «Советские пограничники» является отдельным изданием статьи Л. Борисова, напечатанной в «Правде» от 7 сентября 1937 года.

Находятся в производстве и скоро выйдут в свет следующие книжки: «Хлеб» А. Толстого, тираж 60 тыс. экз. Сборник «Штурм Перекопа», «Котовский» — В. Г. Шмерлинг и «Записки пилота» (Москва — Северный полюс — Москва) — Я. Д. Мошковского.

В том же издательстве («Молодая гвардия») готовятся новые издания В. Маяковского — «Избранное» в одном томе и «Непобедимое оружие». Обе книги выйдут тиражом в 25 тыс. экз. каждая.

Плохо работает издательство «Искусство»

Что такое издательская «молния»? Это книга, выпущенная сверхсроочными темпами. «Молния» Партиздата выходит иногда в течение 24 часов. Гослитиздат выпускает «молнии» обычно в двое, трое суток.

Попробуем-ка и мы выпустить «молнию», — подумали в издательстве «Искусство», и решили издать сверхсроочными темпами сборник оборонно-эстрадной драматургии к 20-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Для того, чтобы этот сборник не только вошел в список книг, выпускаемых «Искусством» к юбилею, но и обеспечил артистов эстрадным репертуаром, он должен появиться по крайней мере за 10—15 дней до юбилейной даты.

Секция драматургов Союза советских писателей, по инициативе которой было предпринято это издание, выработала жесткий график, и 31 января рукопись лежала на столе театральной редакции «Искусства». Пять дней ушло на редактирование сборника в самом издательстве. 5 февраля книга была отпечатана в Глазгопетроком.

По словам заведующего театральным сектором издательства т. Н. Богданова, начальник Глазгопетрокома тов. Васильевский заверил издательство, что для ускорения сборник читают два редактора.

Книга вернулась в издательство 11 февраля. Значит, два редактора Глазгопетрокома читали сборник «молнией» в шесть печатных листов... шесть дней: по полдню в день! А доверчивый товарищ Богданов терпеливо ждал.

График, разумеется, сорван, и так как «Искусству» не имеем собственной полиграфической базы, для самого срочного издания нужно не менее шести-семи дней, то книга в лучшем случае будет отпечатана к 20—22 февраля.

Нет, положительно, оперативность не в натуре издательства «Искусство»!

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ОТ 3/II 1938 г.

О деле тов. Афиногенова, исключенного парторганизацией МХАТ им. Горького. «Парторганизация 22 июня 1937 г. исключила Афиногенова из партии за полный отрыв от партийной организации, за участие в троцкистско-авербаховской группе. Бюро РК постановляет: В связи с тем, что ряд фактов, предьявленных т. Афиногенову, не подтвердился, решение парторганизации об исключении его из партии отменить, как необоснованное. Учитывая, что т. Афиногенов свои ошибки признал, указать на то, что он после решения ЦК ВКП(б) о роспуске расповской организации не занял твердой линии на разрыв с Киршином и Авербахом. Секретарь РК ВКП(б) АНИКЕЕВА».

О ТВОРЧЕСТВЕ Вл. АВРУЩЕНКО

Комитет ВЛКСМ Союза советских писателей, внимательно обсудив творчество поэта, члена ВЛКСМ Вл. Аврущенко, указав ему на идеологическую ошибочность его стихотворения «Лесной пожар» и «Утро Чарльжу».

Выступление же газет «Восток» и «Большевик Полтавщины», где творчество Вл. Аврущенко характеризуется, как классово враждебное и антисоветское, Комитет считает политически грубым и непереносимым. После опубликования в «Литературной газете» отчета о комсомольском собрании в Союзе писателей, где творчество Вл. Аврущенко подверглось серьезной товарищеской критике, ряд редакторов, поспешно, видимо, для перестраховки, вернули рукопись автору, в свое время принятой к печати. Комитет ВЛКСМ считает, что подобная литературная «работа» с поэтом, творчество которого как раз нуждается в критике и товарищеской помощи, противоречит всей нашей политике-воспитательной работе среди писателей.

Секретарь Комитета ВЛКСМ Союза советских писателей А. КОГАН.

ПУШКИН НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В 1937 г. Якутгосиздат издал избранные стихи Пушкина тиражом в 10.000 экземпляров. Переведены на якутский язык «Книжка», «Пророк», отрывок из «Вориса Годунова», «Деревня», «Для берегов отчужден дальней», «Туча», «Зимний вечер», «Талисман», отрывки из «Евгения Онегина», «Памятник», «Обвал», «Узник», «Послание в Сибирь», поэмы «Медный всадник» и «Руслан».

Трудящиеся Якутии получают впервые на якутском языке одноименные избранные поэтические произведения Пушкина («Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Дубровский», «Капитанская дочка»). Одноименный выходит в издании Гослитиздата.

Детизмом для якутских детей выпущена «Сказка о рыбаке и рыбке».

«ИСПАНСКИЙ ЗАКАЛ»

В Гослитиздате вышла новая книга И. Эренбург «Испанский закал». В этой книге собраны корреспонденции автора с испанского фронта за время от февраля до июля 1937 г.

В книгу включено 30 корреспонденций, рисующих картину создания мощной испанской народной армии.

Книга выпущена тиражом в 10 тыс. экз. Цена 2 р. 75 к.

«ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ» К. ПАУСТОВСКОГО

Гослитиздат издает сборник повестей и рассказов К. Паустовского.

Объединяет все повести и рассказы, включенные в сборник, одна общая тема — родина. Тираж книги 10 тысяч экземпляров.

Книжная хроника

В Гослитиздате вышли книги: «Прометей» А. Серафимовича. В сборник включены главным образом автобиографические рассказы. Тираж 10 тыс. экз. Цена 9 руб.

«Неспешно Пушкины и коммунизм» В. Кирпотина. Второе издание. Тираж 16 тыс. экз. Цена 3 р. 75 к.

«Шелкунчик» и «Норолесовская невеста» Э. Т. А. Гофмана. Тираж 10 тыс. экз. Цена 6 р. 50 к.

«Литературно-критические статьи» Н. Добролюбова. Тираж 35 тыс. экз. Цена 4 руб.

В издательстве «Советский писатель» вышли книги: «Избранные повести», М. Зощенко. Тираж 10 тыс. экз. Цена 6 р. 25 к.

«Ваш пономный слуга» П. Скобелева. Тираж 10 тыс. экз. Цена 5 руб.

«Грустные стихи и песни о Сталине» Тираж 5 тыс. экз. Цена 9 руб.

ДНЕВНИК ДОМА СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

15 февраля. (Большой зал). Творческий вечер К. Паустовского. Автор прочтет отрывки из своих произведений.

В комнате № 8 поэтическая секция Союза советских писателей устраивает товарищеский вечер поэтов, — чтение новых стихов.

19 февраля. Вечер, посвященный творчеству народов Союза ССР. Вступительное слово проф. Ю. М. Соколова. Выступят: В. Шергин и засл. артист Д. Н. Орлов; засл. артистка Ирма Яузмен, русский хор под управлением П. Г. Яркова, артист Гос. Филармонии Кособов.

20 февраля. Вечер, посвященный 20-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота. Доклад на тему «20 лет РККА» сделает комбриг Ф. К. Кузьмин. С чтением своих произведений выступят писатели.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОТИНСКАЯ.